ЮРИЙ ХРАМЦОВ

ДИПЛОМАТ С ЭТОГО БЕРЕГА

ТАЙНЫЙ ФРОНТ

Тайный фронт

Юрий Храмцов

Дипломат с этого берега

«Алисторус»
2026

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Храмцов Ю. А.

Дипломат с этого берега / Ю. А. Храмцов — «Алисторус», 2026 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-310-8

Автор этой книги Юрий Храмцов – ветеран внешней разведки. Главный герой романа Иван Хабаров – советский дипломат, попавший в эпицентр сражений холодной войны. Место действия – «нейтральная» Финляндия. Борьба за умы была и остается не менее жестокой и важной, чем кровопролитные сражения на суше и на море. Сумеет ли герой поставить точный диагноз, предугадать действия и планы противников, которые опутывают нашу страну сетью, пытаются ее ослабить и поработить? На страже нашей безопасности – разведка. Но не менее важно, чтобы ее рыцари были настоящими патриотами, чтобы их нельзя было обмануть. К такому выводу пришел герой после череды побед и поражений. Эта книга – еще и напутствие дипломата, патриота России, будущим поколениям. Книга предназначена для всех ценителей актуального политического детектива, позволяющего трезво взглянуть на нашу жизнь.

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-310-8

© Храмцов Ю. А., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

От автора 6
Пролог 8
Глава 1 9
Глава 2 11
Глава 3 13
На лыжах в Финляндии 23
О роли тенниса в работе дипломата 27
О теннисе дома и в Грузии 28
Глава 4 30
Глава 5 32
Глава 6 39
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Юрий Александрович Храмцов
Дипломат с этого берега

Не говорите, что один в поле не воин
всякий, кто искренне захотел истины,
тот уже страшно силен.
Ф. М. Достоевский

© Храмцов Ю. А., 2026.
© ООО «Издательство Родина», 2026

От автора

Вот уже более двадцати лет я пишу этот роман. Виртуально, на компьютере, на других носителях. Нахожусь под Богом, под влиянием Л. Н. Толстого, но не хватает терпения дописать. И вот теперь любезная Елена Владимировна согласилась работать со мной, для меня истинное счастье, что исполняется запланированное многие десятилетия назад.

Герой романа Иван Хабаров, можно сказать, простой советский человек, даже слишком простой. Он мог бы стать разведчиком, летчиком, как его брат, но стал дипломатом. О почти

всей его жизни, о пути дипломатической карьеры, к которой он отнюдь не стремился, читатель узнает по ходу романа. Будут освещены психо-сексуальные фазы его развития, ребенка, подростка, юноши, от бессознательного до сублимации, подавления в себе раба и становления в качестве рядового Homo sapiens, с постепенным переходом в Homo ludens (человека играющего). Для этого автору было необходимо прочитать все стихотворения Ивана, побеседовать с его родственниками, в первую очередь, с мамой, друзьями, знакомыми – близкими товарищами, противниками и даже врагами. Натура сложная, противоречивая, автор стремился к объективному освещению его карьеры, но объективности не получается. Так было и, когда Хабаров учился и работал в Финляндии. Эта страна стремилась к нейтралитету, но не была и никогда не будет нейтральной, в частности, в вопросах войны и мира.

История не запомнит Хабарова, не занесет в свою летопись, а просто перевернет очередную страницу – и этим все кончится. Но он уже проникся доверенной ему идеей, которую он был призван осуществить, и выполнял свою роль на земле с настойчивым, хотя и скрытым инстинктом, который ведет его и его народ к их предназначению. Мой герой мечтал рассмотреть историю с философской точки зрения, с помощью, говоря ученым языком, институциональных матриц, уводящих нас в глубь веков. Получилось ли? Время покажет, вам судить. Самой природой вещей русский народ предназначен быть совестным судом по многим вызовам, помыслам и тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и общества. Итак, приступим.

Пролог

1972 год, Хельсинки, столица Финляндии, в то время дружественного нам государства, не нейтральная, но настойчиво «стремящаяся к нейтралитету» страна. Столовая Хельсинского университета. Американский дипломат Richard Powerl (так представился) приехал из Вашингтона для завершения вербовочного процесса по Ивану Хабарову. Советского стажера университета уже более полугода активно изучали американцы, англичане, финны, шведы и прочие агенты ЦРУ и МИ-6. Незадолго до приезда Ричарда в Хельсинки с Хабаровым встречался и провел продолжительную беседу тогдашний госсекретарь США Киссинджер. И вот – еще один разговор. В ходе беседы американец вел себя нагло, заметно ощущая свое превосходство: он оплачивал ланч, уже худо-бедно изучил русского, имел план беседы, согласованный с руководством ЦРУ и Госдепа. Стажер Хабаров отбивался, посмеиваясь, на серьезные вопросы отвечал пространно и шутливо. Американец был старый, совсем старый для Хабарова, лет пятидесяти, взлохмаченный и уже начинал потеть от сарказма советского стажера. У Ивана даже волнения не было, потому что американцы и их агентура настолько надоели, а он обо всем докладывал в посольство куратору В. Косову, что хотелось быстрее закончить этот, можно сказать, не имевший смысла, разговор. Он уже хорошо покушал, выпил кофе по-ирландски, то есть с виски, правда американскими, и пару раз спросил, можно ли пойти в библиотеку и засесть за работу. Ричард уже много выспросил о содержании диссертации молодого человека, его отношении к работе по сбору материалов в библиотеке. Труд касался подъема национального самосознания финляндского народа на смене веков, и Хабарова страшно интересовала «истина» подъема самосознания, в том числе психологического.

Видимо, значительно устав, и до конца не понимая сути работы советского стажера, Ричард задал вопрос: «Ванья! Судя по фигуре, ты должен заниматься спортом. Каким?». Иван засмеялся и в ответ задал вопрос, хотя знал точно, что вопросом на вопрос не отвечают: «А ты читал Харольда Робинса, вашего современного выдающегося писателя?». Американец заскромничал и сказал: «Я слышал о нем, но не читал». Иван пошел в наступление: «С тобой же вообще неинтересно разговаривать, ты даже не знаешь собственной литературы, не говоря о российской или советской». «И что же написал Робинс о спорте?», – поинтересовался американец. «Все просто, хотя я с ним не полностью согласен. Он сказал, что лучший вид спорта – это женщины. Все остальное – напрасная трата сил». Американец заливисто захохотал, окружающие обратили на это внимание, особенно на его слова. Он сказал: «Впервые вижу ученого и это советский ученый, который из всех произведений писателя выбрал лучшую фразу». Иван подозвал проходящих мимо знакомых и попросил янки повторить фразу. Народ с удовольствием смеялся.

Видно было, что американец обиделся, но это не волновало Ивана. Его собеседник заявил, что Иван несерьезный человек, с чем стажер Хабаров с удовольствием согласился и, смеясь, проговорил: «Ты, что хотел, чтобы я принес тебе документы Политбюро? Во-первых, у меня их нет. Во-вторых, у тебя нет таких денег, чтобы заплатить за них. А, в-третьих, если бы у меня документы были, я бы их тебе не дал. Получи их другим путем, тем более они несекретны». Беседа была завершена. Американец захотел с советским визави остаться друзьями. Хабаров не возражал, так они и расстались не врагами, хотя хотелось бы приобрести друга среди американцев, но не такого слабого, как Ричард Пауэлл.

Глава 1
Бессознательное

В Сибири, в частности в Новосибирске, зимой бывает очень холодно, но холод не ощущаешь, если адекватно одет. Там говорят так: «Не тот сибиряк, кто не мерзнет, а тот, кто тепло одевается». В конце декабря 1941 года стоял трескучий мороз. Перед Новым годом женщины в доме готовили праздничный ужин, состоявший из простых блюд: соленая капуста, соленые грибы, картошка, винегреты и деликатес в виде селедки. Собрались у мамы Ивана. Жена брата – Шурочка, жена друга Данилы – Аня и незамужняя соседка Роза. Обсуждали, как лучше из того, что есть, приготовить мужчинам хорошие закуски. А мужчин ожидалось двое: муж Марии – Николай и его друг Даниил. Оба воевали в финскую кампанию или, как финны называют «зимнюю войну», и были ранены. Николай вернулся в свой родной город с войны в Новосибирск и позвал с собой друга. Оба работали на жиркомбинате. Николай слесарем-сантехником, Данила – заместителем начальника охраны комбината. Во время войны они настолько сдружились и неоднократно спасали друг друга в разных ситуациях. Скрепы были настолько прочные и «кровью утвержденные», что после войны поклялись никогда не разлучаться. И так их породнила Сибирь.

Женщины знали их вкусы. Мария готовила брагу обязательно, за что получила позывной «изюминка». Брага была очень сладкая и крепкая. Во время готовки вдруг раздался рев, и из небольшой комнаты выполз мальчишка-ребенок, пытавшийся встать. Мария схватила его, прижала к груди. «Да, милый. Описался и орешь», – сказала она, сунув ему в рот правую грудь. Он жадно ухватился за нее, она быстро сняла ползунки, подошла к сушилке и ловко надела сухие. Сытый, он тут же уснул.

«Сколько ему?», – с завистью спросила Роза? «Через неделю будет полтора», – ответила Мария. «А орет, как будущий генерал», – спрогнозировала Розочка-еврейка. Мария сказала: «Ну, может и будет. Ведь мы его замесили на Камчатке в ночь, когда был зачат честный святой святитель Креститель Господня Иоанн. Так сказано в святых книгах. Я не разрешала Николаше алкоголь три месяца до замеса. Вы понимаете, на Камчатке рыбы, икры много. Всегда этого добра хватало, а недоставало, догадайтесь чего? Чеснока. Если от кого-нибудь пахло чесноком, его окружало несколько человек и пытались принюхаться. Я рассчитала так, чтобы он родился или в святой день Иоанна, или в мой день рождения 13 июля, но он вылез 7 июля. Ясно, что Иван. Я не знаю, как орал Иоанн Креститель, но этот орет как Бог. В крови у него много фосфора от рыбы и икры, должен быть очень разумный, если не испортится». Девочки почти в один голос заявили: «Не дадим испортиться». Старший сын Марии играл в соседнем доме с детьми Шурочки: Галей и Ниной, а младший был всегда с ней. Всегда накормлен, ухожен и обласкан. Три женщины пытались поцеловать ребенка в любое место в какое попадет: в ножку, в ручку, в подгузник, но Мария не разрешала целовать его в губы.

На крыльце раздался стук. Вошли Николай и Данила, промерзшие, но довольные. С шумом заявили, что женщины не знают о победах под Москвой, потому что немцев гонят от столицы прочь. А женщины в ответ: «Мы тут и радио не включали. Мы слушали свои звуки – Ивана. Лучше звуков на свете не бывает, как орет младенец». Николай скинул полушубок, достал конфеты, коньяк, шампанское и маргарин. Последнее он с разрешения Данилы взял на заводе. Начали садиться за стол. Сразу же на запах в дом ворвался Михаил, муж Шурочки, брат Марии и закричал: «Уже налили? Без меня? Как же так?». Он был столяром-краснодеревщиком, не только склонным к вину, но настоящим алкоголиком. Было много заказов, платили солидно, да и денатуратом он не брезговал. Машенька налила браги, но Николай резко отказался, сказал: «Только водка. За победу под Москвой.» Данила добавил: «И за товарища

Сталина двойную порцию!». Закричали ура, под крик выпили. Мария не брала в рот алкоголя из-за своего Ванечки. Боялась, что может стать пьянью, как ее родной брат. Обсудили, как официально водится, положение на фронте. Заявили, что сибиряки в обиду не дадут Москву, и пусть Берлин дрожит от наступления советских танков. Пили еще не потому, что холодно на дворе, а потому душе то радостно, так можно объяснить. Пусть маловато закуски, пусть брага сладкая, но семья рядом, дети живы, победа грядет неизбежно и все будет лучше, чем даже мечтали. Начались песни. Песни потрясающие: от «Бродяги», который шел к Байкалу, до «Броня крепка и танки наши быстры». Хвалили, естественно, Сталина, ругать никого не осмеливались, да и не знали четко, кто виновен в отступлении. Ругали воровство и бандитизм в Сибири, но Данила заверил, что скоро покончат с бандитами, поскольку все силы идут на фронт. Опять пели, в после третьей рюмки, еще до наступления Нового года начали плясать. Все плясали азартно, сказывалась «изюминка» Марии. Едва не прозевали двенадцать часов. Хлопнуло шампанское под крики и снова песни, и снова танцы и пляски.

Иван слышал, что идет веселье, но совершенно не понимал значение Победы. Впоследствии он напишет стихотворение о Победе, который завоюет премию.

В дальнейшем он обожал встречи друзей в их доме, особенно песни. И знает их наизусть до сих пор. Песни в основном протяжные, сибирские, мощные, как и сама природа. А природа в генах дала ему многое. Дед его по Николаю – зажиточный крестьянин Тверской области был сослан царем в Сибирь в выселок Изылы Тогучинского района. Там родился Николай, один из семерых братьев, была еще одна сестра. Пятеро из братьев позднее погибли в Великой Отечественной войне. Дед Евстафий был настолько мощный физически, что ходил с рогатиной на медведя. Брат Евстафия – ветеринар, лечил всех и любые болезни дегтем, поэтому Иван всю жизнь пользовался только дегтярным мылом. По линии Марии все было проще. Они специалисты по дереву и такие мастера были, что как дед Григорий, так и его сын Михаил и внук Анатолий никогда не нуждались материально. Их изделия шли нарасхват. У Анатолия был редкостный для Сибири и вообще для русского человека мотоцикл «Харлей», на котором он носился по Новосибирску, мягко выражаясь, с бешеной скоростью. Он был отличным певцом. Пел сначала в Омском народном хоре, затем в Новосибирском оперном театре, где стал первым басом. Он сыграл значительную роль в бессознательном становлении Ивана, в его стремлении к искусству. Брал малыша на спектакли театра, сажал за кулисами и иногда слушатели опер неожиданно улавливали звук баса Ивана из-за кулис. К сожалению, Анатолий спился и ушел из жизни в 35 лет.

Глава 2
Первая психо-эмоциональная фаза

Он помнит свое детство отчетливо, особенно запечатлев в памяти дни после Великой Победы, когда эшелоны с советскими солдатами (поезда с техникой проходили ночью) шли на Восток, предвкушая победу над Японией. Солдаты подтянуты, в стираных гимнастерках, начищенных сапогах, стояли в так называемых теплушках или «телячьих вагонах», радостные, светлые и святые, а Иван с друзьями прыгал, размахивал руками, плакал от счастья. Солдаты бросали детишкам иностранные безделушки, и почему-то дети не дрались за них. Кто первый поймал, того и была вещь, хотя драк в то время было много. Сколько миллионов солдат в эшелонах прошли в то время на Восток – подсчитывают историки, а дети просто восхищались. Это была настоящая радость и хотелось быть таким же, ехать с ними, хотя возраста никакого еще не было, это было просто детство. Рядом с этой железной дорогой и начальной школой, в которую затем пошел Иван, было музыкальное суворовское училище. Ванечка просился у мамы в училище, но она всегда отвечала: «Быстрей расти – и пойдешь!»

Он пошел в школу, начал учиться даже слишком хорошо, кроме чистописания, по которому остался «на осень». Учительница начальной школы обожала этого малыша, прощала ему все шалости и даже на «осень» оставила его по чистописанию из «чистой» любви к ребенку. Вот тут он познал первую любовь другой женщины, кроме мамы. Он начал боготворить ее и стал учиться еще лучше. Когда шел по улице, получив «очередную пятерку», все знали, что идет Ванечка Хабаров, потому что он орал от восторга, высокой оценки и любви к учительнице Варваре. Начальная школа закончена. Была там еще одна любовь, со стороны девочки Нины. Она требовала от Ивана обменяться глазами, подчеркивая, что ему не нужны такие голубые глаза, а ей они очень необходимы. Она даже его целовала в глаза, что возмущало и как-то волновало его совершенно непонятно. Как же эта девчонка может целовать мальчика? И он убегал, стесняясь и стыдясь. Вообще он был застенчивый, особенно к ласке чужой женщины. Перейдя в среднюю школу, сразу в пятом классе обнаружил, что на него смотрит какая-то очень черноглазая девочка и, куда бы он ни поворачивался, она все равно смотрела на него. Это было так удивительно и так щемяще здорово, что через пятнадцать лет он на ней женился.

Не зная, естественно, что такое сублимация, Иван активно начал заниматься спортом. Был в секции беговых лыж, завоевывал все значки от «Будь готов к труду и обороне» до золотого знака «Готов к труду и обороне». Спорт не был самоцелью, но он отвлекал энергию на позитив, и, когда достигались победы над собой, это было настоящее торжество, победы над другими только лишь немного радовали. В учебе он преуспевал. Трудностей не испытывал, но опять столкнулся с хитростью женщин. Учительница английского языка вызывала его часто к доске, причем разыгрывала стимуляцию, опуская верхнюю часть платья на несколько сантиметров, немного приоткрывая грудь. Это заставляло Ивана изучать английский досконально, проситься к доске самому и даже писать этой учительнице стихи о любви на английском языке. Этим же приемом начала пользоваться педагог по алгебре. Они были похожи с англичанкой. Обе блондинки, симпатичные. Математичка также вызывала Ванечку к доске и просила его писать формулы, говорила, что он ей очень нравится. Эта игра учительниц со школьником ему начала надоедать, хотя уже алгебру и английский он начал познавать очень глубоко. Поскольку они пользовались одинаковым методом, он понял, что это глупая игра в любовь и продолжал любить только английский и алгебру. Так все и шло ровно. В промежутке были поездки в пионерский лагерь от жиркомбината в сосновый бор на реке Обь, где были девочки, были разговоры, но дальше взглядов дело не заходило. Продолжалась работа над собой с попытками одержать победу. Неоднократно приглашали уже работать в качестве физрука в пионерском

лагере, хотя он не был принят в пионеры официально. Даже и в комсомольцы он «пролез» в связи со смертью Сталина, когда принимали всех тринадцатилетних, желающих присоединиться, в комсомол.

Директор школы № 83, где учился Ваня и черноглазая Валентина, Виктор Павлович, не смог поступить до директорства в «школу женихов» – Новосибирский институт военных контрразведчиков, не пройдя по зрению медицинскую комиссию. Приняв среднюю школу, он начал проводить реформы, в том числе в преподавании английского языка и физкультуры, уговорив Ивана обучать английскому в начальных классах и быть вторым физруком после Георгия Голищихина. Последний был тренером Ивана по лыжам. У них получался неплохой дуэт в работе физруками, но Ивану хотелось учиться дальше. Он поступил в педагогический институт на факультет иностранных языков, и оказалось, что учиться в ВУЗе удивительно легко. Виктор Павлович добился, договорившись с ректором института, чтобы Иван продолжил работу в школе. Приходилось вертеться между преподаванием английского, физкультуры, спортом, да еще и глубокой любовью.

Глава 3
Скрепы

Первой скрепой жизни Ивана была, безусловно, мама, которая поначалу насильно заставляла младшенького любить Всевышнего и в случаях его частых заболеваний, ушибов, порезов и прочей ерунды, падала на колени и усиленно молилась, поставив рядом несмышленыша. Мама была и останется святой для Ивана навсегда. Ей на один из праздников Победы в Великой Отечественной войне он посвятил стихотворение, одержавшего победу на конкурсе поэтов МИД, опубликованном в одном из изданий Министерства. Пожалуй, придется процитировать его полностью.

Матерям Победы

Переживаю вновь, то засмеюсь, то плачу,
И память возвращает меня вспять:
Бросают меня вверх и ловят, словно мячик,
Вернувшийся отец и радостная мать.
Кончается война, уже близка Победа,
Четыре года жилы рвет страна,
Со старенькими бабушкой и дедом
С работы маму жду, когда придет она.
Появится, как ангел утешенья,
Ни голода, ни холода и ни унынья нет,
В счастливые мгновения забвенья
Я сердцем маминым, как солнышком согрет.
Суровые то были лихолетья, сроки,
Нам приходилось долго выживать
И я, конечно, не писал бы эти строки,
Когда бы не она, моя святая мать.
Надеясь на победные рассветы,
В нужде нас поднимала сопляков
И русским женщинам за их деянья эти,
Я б жить позволил каждой 100 веков
Отдали силы, красоту, здоровье,
Что на алтарь Отечество легли,
Так наши матери, всем жертвуя порою,
Победу приближали, как могли.
И если мне почудится, что скажет
Она оттуда из высоких облаков:
Ты делай сын, как Родина прикажет,
Я сделать все, как матери готов.
Переживаю вновь…

Все время он разговаривал с Богом, советовался с ним практически по каждому вопросу, но это было во взрослом состоянии. После начальной школы мама прекратила насаждать мысль о Боге, на глазах Ивана молилась, но не так истово, как ранее. Она страшно боялась наглости

НКВДэшников, поскольку репрессии были откровенными: брали любого, кто даже не думал порочить Сталина, а произносил что-нибудь «не в струю» и даже далеко от политики. Иван дал определение этому в четырехлетнем возрасте: «Взяли дядю Борю со всеми мохнатками», имелось в виду «с вещами», часто практически без следствия приговаривавшая к расстрелу. Друзья Даниила, приходя в гости к Николаю, могли легко вынуть пистолеты и стрелять по мышам. В то же время, Даниил был для Ивана кумиром. Он хотел иметь пистолет, говорить на иностранных языках, четко мыслить, хотя и прямолинейно. Из рассказов Даниила Ванечка навсегда запомнил, как на него во время вылазки за «языком» неожиданно из-за сосны вышел финский солдат с винтовкой и целился в голову. Советский офицер был первоклассным стрелком и стрелял в финна, да все мимо. А солдат врага в трех шагах, взял винтовку наперевес, штык, как большой кухонный нож, блестит. В магазине «Вальтера» у Данилы два патрона, он зачем-то их считал во время стрельбы, и предпоследним попал в лоб белобрысого красавца! Тот, падая назад, цепляет нашего офицера штыком-ножом под правую руку, режет полушубок и плечо, оставляя глубокую рану. Данила рассказывал про этот эпизод Ване только один раз и настолько хладнокровно, что юноша все более влюблялся в воина-разведчика. Ванечка расширив глаза, спросил: «Убил навсегда? А ведь страшно убить?» Данила взял за руку юношу: «Сейчас могу сказать, что страшно, но тогда был азарт, какая-то эйфория. А ты спроси у отца, как он убил четырех бандитов сразу».

Ваня пристал к маме с расспросами об этом эпизоде. Она обещала поговорить с отцом и тот, будучи в хорошем расположении духа, в выходной день начал впервые свой рассказ о финской войне, подчеркнув, правда, что не держит зла на эту нацию. Финны воевали зло, настырно и это слово «sisu», настойчивость, настырность, запомнилось даже ему, не владеющему ни одним иностранным языком. Он посоветовал сыну изучать «чужие нам языки», по примеру Данилы Ермака, в совершенстве владеющего немецким и финским, бравшего «языков» и допрашивавшего их в период «зимней кампании». Иван и так восхищался этим чекистом, а тут еще отец настаивает, хотя был уверен, что отец с Ермаком сговорились совместно подталкивать юношу к этому шагу. Сказав Николаю, что он не ребенок и очень хочет услышать про нападение бандитов. Николай легко прочитал мыслишки сына и сказал: «Никакого героизма не было. Ты знаешь, сынок, вот твой дядя Данила настоящий герой, награжденный боевыми орденами и множеством медалей. Он блестяще обучен владению оружием, холодным и иным, а также приемам боевого самбо, чему иногда учил и меня. И вот мы с мамой были с год назад в ресторане «Центральный», где она раньше работала. Пили, пели, танцевали, наслаждались – раз в год-то имеем право. Через пару столов сидело четыре «приблатненных» парня. Один из них глазел на твою маму, она же красивая, даже очень: длинная коса, голубые глаза, вся чистенькая, маленькая. Он подошел к нашему столу, пригласил Машу танцевать. Она отказала, он за руку ее схватил, хотел потащить на танцпол. Мама же боевая у тебя, въехала ему в нос. Кровь, швейцар, милиция. Меня спросили, кто я, показал паспорт, вроде, все нормально. Вышли на Красный проспект, идем к третьему трамваю, ты знаешь, он ходит вокруг Оперного театра, где конечная. У меня есть «Браунинг», его пробил для меня Даниил. Я часто дежурю по ночам, надо охранять комбинат, да и бандитов пугнуть можно, если что. В ресторане эта четверка видела, что у меня пистолет в кобуре. Я его вынул, положил в кобуру пакетик конфет для тебя, а пистолет в карман пиджака. Идем. Я «Браунинг» в правую руку и на груди держу, патрон в патроннике, скоба открыта, в общем, готов. Вырастают три тени, одна хватает маму, меня сзади четвертый обнял крепко за шею левой рукой, правую на кобуру, левой давит. А пистолет-то готов: я ему прямо в шепчущий что-то рот и выстрелил. Трое встали как столбы, стоило пять секунд их перестрелять. Был суд, меня оправдали: самозащита, а эти все четверо рецидивисты». Ванечка вскочил и заорал: «Папочка, да ты, герой!» Так он впервые назвал отца «папочкой».

Все-таки главным помыслом Ванечки в детстве было быть похожим на Иисуса Христа. Это сделала мама. Прекратив откровенно молиться при сыне, она стремилась чаще упоминать имя Сталина, сделав генералиссимуса героем малолетнего школьника. Пропаганда тоже не дремала: куда ни шел Иван, везде портреты Сталина, по радио неслись песни о том, что он нас вырастил, о том, что он наша слава боевая, наша гордость и полет. «С песнями, борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет». Особенно красочными были выборы: в местные и союзные Советы. Неслись из радиорепродукторов потрясающие песни о Родине, Сталине, раздавались бесплатно мороженое и пирожки, в школах проводились соревнования любого типа и вообще было торжественно и радостно.

Хотя он был еще даже не юношей, но отлично сознавал, что наша страна экономически и в военном отношении значительно мощнее любой страны всего остального мира, хотя переживала послевоенную разруху и готовилась к новой войне. Да, голод, зимой холодно, летом жарко, но народ не только выжил, но и начинал жить. Это уже шло в сознание и было не только на подсознательном уровне. Торжество и радость бытия давали ему силы быть счастливым с некоторыми перерывами на детские беды, поэтому скреп, касающиеся России, Советского Союза, Сибири и Камчатки, очень много у Ивана. Он был настолько интегрален, что некоторые иностранцы с обидой говорили: «С тобой невозможно серьезно разговаривать, ты все сводишь к анекдотам и афоризмам». Любовь к России, к русским простым людям, можно сказать, были и есть в крови Ивана Хабарова. Это подтверждает и его отношение к русской, советской культуре. Еще совсем малышом он с упоением слушал песни матери и смешанный хор мамы, ее подруг и друзей отца. Муж двоюродной сестры Галины тоже пел в хоре Новосибирского оперного театра, хотя, когда он говорил, то заикался. Пел тенором без запинок, блестяще. Ясно, что классика русской музыки и литературы не могли пройти мимо Ивана. Он с упоением еще в пятом классе прочел «Подростка» Ф. М. Достоевского и считает его, как и А. С. Пушкина, пророком. Отделившись от мамы, Иван всегда хотел женского тепла и известный пример Достоевского с Анной Григорьевной Сниткиной, когда он у нее спросил о правильности намерения написать роман о любви стареющего художника к юной стенографистке и далее вопрос, что, «Если бы на месте художника был я?» Анна Григорьевна четко сказала: «Федор Михайлович, я вас люблю и буду любить всю жизнь». У Ивана мурашки по телу пробегают, когда он вспоминает эту фразу. Ему кажется, что большего в любви невозможно.

Оказалось, можно. Эта черноглазая девчонка с пятого класса запрограммировала Ивана на последующие десятилетия. Ничего особенного в ней не было, кроме глаз, стройности и ужасного математического подхода ко всему. Они обменялись фотографиями с надписями на обороте о необходимости дружбы, она пыталась его обучать манерам, этикету, но все было бесполезно. Он не хотел быть легко прогнозируемым и тем более манипулируемым. Она же играла им, как кошка с мышкой и, как выяснилось, удачно для нее и для него. Все-таки ему нужна была дисциплина. Хотя любовь, талант и дисциплина вещи, на взгляд Ивана, совершенно несовместимые. Она так нежно, любя, обманывала, что он, как говорится, велся. Это тоже большая скрепа для него – любовь к Валентине. На вопрос, хотел ли он развестись с ней, обычно отвечал: «Развестись никогда, а убить часто». Она полностью отдала себя, свой красный диплом о высшем образовании и талант математика своему Ванюше. Презирая готовку пищи, она научилась готовить вкусно то, что он любит. Ему же всегда требовалась только «полезная» пища. Это доводило ее до слез, но безуспешно. Всегда она во всем помогала Ванюше, работая машинисткой, стенографисткой, уборщицей, поваром и была хорошей любовницей.

Все осмысленные скрепы он, вызывая смех друзей, определял, как институциональные матрицы. Приходилось разъяснять, что это такое. И опять следует вернуться к Виктору Петровичу, директору школы, который, окончив философский факультет МГУ, много вел бесед с Иваном по вопросам жизни, науки и прочих проблемах мира и человека в нем. Иван разгова-

ривал об этом поначалу с напряжением, потом углублялся все более в науку «всех наук» и даже выписал журнал «Вопросы философии» в восьмом классе. Он всегда помнил, что у Виктора Петровича было стремление стать разведчиком или военным контрразведчиком и его модель, как и дяди Даниила, довлели над Иваном Хабаровым. И как ни странно, советская философия казалась ему выше классиков, положим Гегеля и Аристотеля, видимо потому, что она была ближе к жизни. К окончанию средней школы он колебался кем стать – философом или контрразведчиком. Идеология строительства какого-то нового общества, особенно «социализма с человеческим лицом» была столь непонятна Ивану, что он даже пытался писать свои статьи на подобные темы. Слава Богу, что они не пошли в издательство. Идеи честности и справедливости, идеи Христа о вечности жизни, о том, что совесть – это Бог в душе или сердце человека, закрепляли его интегральность. Он настолько был морально и политически устойчив, что именно его зачастую просили написать уставы, этикеты клубов и учреждений культуры, в которых он занимался.

Все это заставляло Ивана уклоняться от соблазнов, свою сексуальную энергию сублимировать, направляя ее в позитив, не соглашаясь с Оскаром Уайльдом, что «Лучший способ борьбы с искушением – поддаться ему». Искушений было много: деньги, алкоголь, женщины, карьера. Все могло быть у Ивана, но у него была вера, любовь к матери и Родине, счастье жить на этом свете в России. Обещали много, давали еще больше, но он удовлетворялся малым, будучи убежден, что «Я пылинка у Бога на паперти, так легко и смахнуть иль стереть. Чем я лучше отца или матери, чтобы не умереть». Могилы мамы и отца для него всегда были святыми. Будучи в Советской Армии, он, сержант, пришел к замполиту батальона капитану Сидорову и попросил забрать у него половину жалованья в фонд мира. Капитан ошалел и сказал: «Таких не бывает людей. Иди отсюда». И всегда Иван стремился удовлетворяться малым, изо всех сил стараясь выполнить на своем месте работу до конца и добросовестно.

Второе. Любовь. Это чувство преследовало Ванечку всегда, от бессознательного до профессионального, когда приходилось жертвовать всем, кроме любви. Мама привила это чувство так, что выбить его было невозможно. Любовь к маме, любовь к Родине, любовь к себе и к тому, чем Иван занимался – это надежный скреп его эго. Он не научился любить свою страну с закрытыми глазами, он любит ее, как научили его любить Петр Первый, Александр Пушкин, Федор Достоевский. «Мы пришли после других, чтобы делать Родину лучше их, не впадать в их ошибки, заблуждения и суеверия», – утверждает Иван в беседах с друзьями. Он считает современное положение счастливым, если только мы сумеем правильно оценить его, «избавившись от необузданных страстей и жалких корыстей». Хочется говорить о любви к друзьям, как о само собой разумеющимся. Они надежная опора в жизни Ивана. Но вот пришла та черноглазая девочка, в которую он влюбился «по уши», и написал ей романс.

На слова Ивана Хабарова
лучший композитор Грузии Гоги Члаидзе
попросил написать музыку

Все равно

Я долго ждал, придет она.
Пылали страсти, кровь играла,
Но мимо девушка прошла,
И сердце так затрепетало.
Она пришла из той мечты,
Что долго спать мне не давала.

Я знал, что это будешь ты:
Звезда с небес ко мне упала.
С огромной нежностью в душе,
Повел тебя я в жизни трудной.
Мы жили даже в шалаше,
Ты не была женой занудной.
Царица песни ты так нежно,
Пропой мелодию мою,
О том, что я люблю, как прежде,
И счастлив, что я не разлюблю.
Пой про любовь царице мира,
Все лучшее слилось в тебе.
Сам сотворил себе кумира,
Все так как было в той мечте.
И вновь влюбляюсь в это чудо,
Хотя уж много лет прошло.
Тебя всегда любить я буду
В аду, в раю, мне все!

До чего сложно, запутанно иметь отношения с любимой женщиной, тем более, многие десятилетия поддерживать не только любовь, но и дружбу… Она любила горячо, хотела быть самостоятельной и в то же время отдавала все, что у нее есть любимому мужу, вместе с тем играя и даже манипулируя его линейными чувствами. Неоднократно Иван замечал, как она ради любви пыталась даже обманывать его, не только заигрывая с другими мужчинами, но и участвуя, в частности, в так называемой шведской семье, куда был приглашен Ваня, но шутя отбрехнулся, а она согласилась. Много пришлось пережить Ивану с этой женщиной, но главное, что это была его любовь, большая любовь, можно сказать, безумная. Ему ничего от нее не надо было, кроме тепла. Она четко все просчитывала, все, вплоть до циклов ее женского организма, в том числе в общении с другими мужчинами. Да, у нее предложений было много от мужчин, в том числе высокопоставленных, включая руководителей и начальников Ивана. Она уходила от греха, но, видимо, не всегда ей это удавалось.

У Ивана, что по работе, что в общении с другими людьми, завязывались теплые, часто очень тесные действительно дружеские отношения с мужчинами и женщинами. До интима дело не доходило, хотя всегда приходилось сублимировать, подавлять сексуальные желания, активно отдаваясь спорту и учебе.

Третье. Автодидактика. Сложное понятие «автодидактики» у Ивана развивалось на подсознании. Он всегда тренировал знания и умения до выработки навыков, а пообщавшись с украинским академиком В. Куринским, креативным автором понятия «автодидактики», уловил, что он на правильном пути. Академик владеет более чем тридцатью иностранными языками, играет на всех музыкальных инструментах. Иван проверил его знания финского языка и умение играть на мандолине. На самом деле Валерий хорошо владеет финским языком, хотя и с эстонским акцентом, и неплохо играет на мандолине. На бессознательном уровне Иван со спортивной злостью рвался вперед, делая свой мозг и организм более совершенным, хотя чаще всего не знал, зачем ему это нужно. Просто он хотел быть лучше, чем есть, реализовать себя в чем-либо. Однажды в ответ на замечание молодой женщины, «почему ты хочешь казаться лучше, чем есть», Иван неожиданно для себя брякнул: «Это евреи стремятся казаться хуже, беднее, глупее, чем есть, но я же не еврей, я хочу состояться, быть, а не казаться даже перед тобой, красивой переводчицей и стенографисткой заметно прекрасной». Леночка с обидой заявила: «Из-за тебя, поганца, я только что отказала заместителю министра и хочу пойти с

тобой в ресторан и далее». Он не возражал, но пошел на компромисс только лишь, согласившись бегать с ней в Хельсинском парке. Почти аналогичный случай был у Ивана с послом США Розалиной Риджвей, позднее ставшей заместителем Государственного секретаря США. Та напрашивалась бегать с Иваном, но получила отказ по причине, озвученной Иваном так: «Вы, ваше превосходительство, если побежите, то с двумя-тремя охранниками, а террористы расстреляют вас и, заодно, меня. Так уж, пожалуйста, будьте любезны, освободите меня от этой повинности и спасибо за доброе отношение».

С большой легкостью Иван соглашался с напористостью Данилы, который «давил» юношу, реально требуя изучать другие иностранные языки, кроме английского». Он предлагал себя в качестве учителя финского языка. Будучи переводчиком в «зимней войне» с Финляндией, он в совершенстве знал лексику следствия и допросов, включая все нецензурные слова. Иван особенно с удовольствием освоил нецензурщину. Финский язык в мире считается сложным. Ничего сложным не бывает, если есть желание и память, даже, может быть, еще музыкальный слух при освоении иностранных языков. Так что с усвоением финского и шведского – языка сопредельного государства, сложностей у Ивана не было.

При освоении языков и географических особенностей Финляндии Иван сталкивался с проблемами политического, экономического, военно-стратегического и культурного характера. Осознавая слабость в своем проблемном мышлении, юноша вчитывался в работы советских историков, западных философов и увлекся проблемой национального самосознания и его подъема в период, когда Финляндия была графством России и активно стремилась выйти из-под давления царизма. Эта мысль постепенно перерастала в желание писать хоть что-нибудь о проблемах национального самосознания по схеме институциональных матриц, Иван начал систематизировать на карточках все доступные материалы, относящие к теме. В Новосибирске таких материалов было немного, если не сказать совсем не было, поэтому часто у Данилы и Ивана выскакивала мысль о систематизации материалов в Москве и Ленинграде.

Четыре. Учеба в институте давалась слишком легко, поэтому Иван со спокойной душой сдавал зачеты и экзамены, собеседования по всем вопросам, особенно поддавливая преподавателей философии своими начетническим высказываниями, выдернутыми из журнала «Вопросы философии». Одновременно он работал в школе, но только до второго курса института, когда его ожидаемо забрали в армию и по настоянию тренеров оставили служить в Новосибирске. Он очень просился отправить его в другой город, но тренеры согласовали все, что можно с ректором и, естественно, директором школы Виктором Петровичем о том, что он будет продолжать учебу, а после службы вернется на работу в школу. Служба в спортивном батальоне не была в тяжбу для Ивана. Он в любое время уходил после тренировок домой в гражданской одежде, но в сапогах, армейской шинели или шапке. Это так претило его дисциплинированной натуре, поскольку он нагло считал, что талант и дисциплина несовместимы. Он также носился на лыжах, оббегал за СКА Новосибирска все сибирские области, в том числе на первенстве ЦСКА. Получив «мастера спорта» по беговым лыжам, а это было нетрудно, обыграв четверых мастеров, он выполнил свою мечту стать мастером. Как и во всем он хотел быть просто профессионалом, хотя бы в беготне на лыжах Иван отморозил все, что «торчало». Взвыв от безалаберности, царящей в спортбатальоне, Хабаров официально обратился к заместителю командира дивизии и чуть ли не на коленях умолял его дать ему воинскую специальность. Его отправили в отдельный батальон связи, где дисциплина была на первом месте: быстро обучили заправлять кровать, стирать портянки и белье, чистить картошку и вообще быть солдатом. Вскоре он сделал карьеру, став начальником радиостанции Р-118, помощником командира взвода и соответственно сержантом. Любовь Ивана Валентина приглашалась в казармы батальона на вечеринки, где его выбору и ее красоте завидовали все, включая комбата. Он прошел войну, был мягким командиром в отношении Ивана, если давал наряды вне очереди, то они отнюдь не огорчали последнего, а веселили. Характерный случай был на стрельбище,

когда Иван вместо одиночных выстрелов замерзшим большим пальцем правой руки опускал скобу АК-47 вниз и три патрона вылетали, как один. Комбат, дав сержанту несколько запасных патронов, пытался орать на подчиненного, но тот, не поднимая головы от автомата, стрельба была из положения лежа, сказал: «Товарищ майор, у меня автомат в руках». Прошедший войну майор, опешил от наглости и потом на протяжении пары месяцев практически объяснялся в любви подчиненному. Иван продолжал бегать за дивизию, округ, но довлела мысль, что пора перебраться в какую-нибудь аспирантуру Московского или Ленинградского университетов. Параллельно службе директор школы, все-таки оставлял негласно, но с зарплатой его на работе физруком школы. Закончен не худо-не бедно институт, получено два диплома – преподавателя английского языка и физической культуры, но жизнь на этом не кончается, а только начинается.

Данила настойчиво продолжал поддавливать Ваню о необходимости изучения вплотную финского и шведского языков, приоритетных проблем Северной Европы, в том числе, рассматривая историю каждой проблемы или вопроса. Ваня и сам хотел заниматься историей, в том числе его интересовала тема самосознания финнов в царской период. Он знал, что финны ненавидят шведов и не любят русских, стремясь вырваться из-под влияния России, однако оставаясь практически зависимыми во всех вопросах экономически, исторически и политически. С помощью Виктора Петровича было направлено письмо в аспирантуру исторического факультета МГУ декану Ю. Кукушкину, с которым Виктор учился на философском факультете. Тема была крайне простой «Подъем национального самосознания финляндского народа на смене XIX века и переходе в XX век». Ответ и приглашение были получены довольно быстро, и Ваня в августе вылетел в Москву сдавать экзамены в аспирантуру. Специальность и философию он сдал слишком легко, с английским языком вышел казус. Большинство преподавателей кафедры английского языка пришли «топить» Ваню. Однако по ходу беседы все больше выяснялось, что он знает английский не хуже преподавателей, несмотря на все попытки снизить оценку. На этих пятерках Кукушкин с удовольствием взял Ваню в свое научное руководство, правда, поручив профессору Жукову также быть тьютером аспиранта. Все, что было в МГУ Ваня усердно переработал, записав нужное и ненужное на карточки, которых у него было несколько ящиков. Материала явно не хватало для полного раскрытия темы. Долго обсуждался на факультете и кафедре современной истории вопрос зарубежной стажировки Хабарова в Финляндии или Швеции. Остановились на Финляндии. Запрос в Министерство высшего и среднего специального образования не заставил себя ждать, и уже через год Ваня вылетел в составе семи стажеров в Хельсинки.

В университете столицы Финляндии его приняли очень благожелательно. Научным руководителем стал О. Юссила и понеслось: среди стажеров из Москвы были кандидаты наук в основном по работе с деревом, электроникой, литературой и практически никто не знал никакого иностранного языка. Историки Финляндии с удовольствием общались с Ваней, реально пытаясь «впарить» ему свои труды. Он много общался с учеными страны, играл с ними в волейбол, куда его приглашал О. Юссила, много беседовал. Утомляли разговоры в университетском кафе, расположенном в полуподвале, прокуренном до каждой пылинки. Пил много кофе, не отказывал, когда приглашали на вечеринки, но каждый раз пытался воздерживаться от соблазнов напиться. Неожиданно пригласил к себе на дачу под городом Оулу знаменитый историк севера Европы М. Якобсон. Играли в волейбол, футбол, в шахматы. У финнов и шведов было, как всегда, много вопросов о Советском Союзе. Политику затрагивали редко, настороженно поглядывая на Ивана при переходе к политическим вопросам. В то же время он с удовольствием обсуждал и политику, считая себя совершенно правым во всех вопросах, цитируя К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина и даже И. Сталина. Внук Якобсона постоянно пытался играть с Иваном, и заскакивая ему на руки, показывая на все, что попадалось ему на глаза, задавал вопрос: «Кука – кто?» Под хохот присутствующих человек двадцати стажер, усиленно

подбирая слова, объяснял ребенку, что это такое. Беседа продолжалась утро, день, вечер, ночь. Таким образом, укреплялась дружба между Юссила и Хабаровым, которые были ровесниками по возрасту. Вернувшись в Хельсинки, они уже были друзьями. Ваня с удовольствием садился на стол научного руководителя, а тот, сидя в кресле, затевал не очень-то исторические, а политико-идеологические дискуссии. Ничего страшного в этом не было, поскольку марксистская философия прочно лежала на полках в нейронах стажера. Спорили много, но беззлобно и без фанатизма. Когда Ваня сказал однажды, что в социальных вопросах революция также, как в семейных проблемах, настигает тогда, когда «низы не хотят, а верхи не могут», Юссила аж подскочил и потребовал отдиффинировать, кто в семейных отношениях верхи, а кто низы. Ваня от души рассмеялся и сказал: «Ты научный руководитель, а я стажер, и меня поставили в угол. Правильно ты говоришь и, между нами, моя жена всегда любит быть наверху». Много историков, как финских, так шведских и американских, подарили Хабарову свои книги с дарственными надписями.

Хабаров был старостой группы стажеров и примерно раз в две недели бывал в советском посольстве. На одном из дипломатических приемов в честь Великой Октябрьской социалистической революции Иван подошел к премьер-министру Р. Паасио, недавно назначенному президентом У. К. Кекконеном. Премьер поинтересовался, что здесь делает Хабаров. Получив ответ, что он советский стажер исторического факультета университета, и услышав тему, по которой Хабаров собирал материалы, в прямом смысле ухватил его за пуговицу сюртука и держал так более десяти минут, расспрашивая как, что, почему. За то, что Ваня разговаривал с премьер-министром так долго, только ленивый из дипломатов его не ругал, так как по протоколу на приемах нельзя разговаривать с руководителями страны более пяти минут. Иван «отбрехивался», но безуспешно. Понимая, что нельзя, но премьер держал. Через неделю из канцелярии премьера пришла в университет Хабарову книга с пометами автора глав и, даже строк, необходимых для диссертации.

Неожиданно для Ивана Юссила однажды сказал, что стажера приглашает к себе на прием архиепископ Финляндии. Ваня не поверил, считая, что такого не может быть. Однако, научный руководитель не шутил, и в назначенное время Ванечка был у архиепископа. Шикарно накормив стажера, безропотно съевшего даже то, что не хотел: все было вкусно, жирно, но не по Ивану. Однако беседа была хорошей, теплой, задано около полусотни вопросов со стороны священнослужителя. А причина, как еще до прихода в приемную понял Иван, заключалась «во впаривании» книги епископа с пометами и рекомендациями, что написать и как написать.

Однажды, мчась по льду Финского залива на лыжах, Ваня увидел человек двадцать, стоящих вокруг проруби. Подкатившись к разговаривающим мужчинам, он скромно смотрел на купающихся в проруби «моржей». Подошел стройный явно офицер, но не в форме, выяснить, кто такой и почему здесь. Хабаров представился, и офицер провел к высокому мужчине в норковой шапке, в пальто с каракулевым воротником, улыбающегося, глядя на Ваню. Последний немного оробел, но ненадолго. Глядя в глаза, сказал: «Здравствуйте, господин Президент Республики»». В ответ Урхо Кекконен улыбнулся шире и промолвил: «Здравствуйте, господин гражданин Советского Союза». Чуть-чуть поговорив о ходе стажировки. Кекконен пригласил Ивана к себе на прием во дворец. Ваня отметил, как же он придет без приглашения. Президент приказал адъютанту прислать в посольство приглашение Хабарову. Не стоит даже упоминать, насколько это была «красная тряпка» для дипломатов среднего и низшего звена. Только посол В. С. Степанов и куратор Хабарова в посольстве В. И. Косов с пониманием и даже с удовлетворением отнеслись к приглашению Президентом стажера.

О величии президента Кекконена ходили легенды и даже, когда ему исполнилось 80 лет в стране говорили: «Если (а не когда) Кекконен умрет, то будет вот так-то». Президент очень хорошо относился к Советскому Союзу и людям его представляющих. И, когда его критиковали в парламенте за то, что он часто ездит в Москву, великий президент отвечал: «Если бы это

не было выгодно Финляндии, я бы послал тебя. А, когда здорово для страны, я еду сам». Была и другая тайная причина частых поездок в Москву: послом Финляндии в СССР он назначил немощного человека, жена которого была любовницей Президента. На переговорах, особенно в начале таковых, он нервничал, затем убегал на пару часиков и возвращался радостный и умиротворенный. Этот президент Финляндии был спортсменом, чемпионом страны по прыжкам в высоту. Сам 186 см, а прыгал 195 см. Он был отличным лыжником, и как писали СМИ по его молодости: «Сегодня Кекконен пробежал 30 км», а когда ему было за 75, те же СМИ сообщали, что президент «Ходил на лыжах сегодня 2 часа».

Бурно собирались материалы диссертации, активно просматривались и копировались на пленку. Окружение из финнов, американцев и «прочих шведов» постоянно интересовались у Вани, как идет работа. Американка А. Стюарт прилипчиво «допрашивала» Ивана о том, каков в его понимании образ Ивана Карамазова. Надоело так, что он, сгрубив, сказал: «Отстань! Ходи за мной, пиши, вот тебе Иван Карамазов, только в туалет мужской не заходи». Она готова была на все ради получения психологического портрета Карамазова, как будто Ф. М. Достоевский недостаточно его описал. И, вообще в университетском кафе многие пытались что-то выяснить у русского стажера и, задыхаясь от табачного дыма, Иван вынужденно отвечал на их вопросы.

Утомленный подобными «допросами», Ваня выходил из кафе, с удовольствием вдыхая любой воздух Хельсинки – сырой, морозный, не имело значения. И однажды зашел в католический храм, расположенный напротив от кафе и за спиной памятника «царю освободителю» Александра II. Войдя в пустой храм, Ваня подошел к священнику и заговорил с ним по вопросам теологии. Выяснив, кто такой этот иностранец, священник спросил, чем ты занимаешься. Иван подробно объяснил суть своей теоретической работы, сказав, что глаза очень устают от пленок и слайдов и приходится много читать. Священник заявил, что, «кто много читает, тот мало думает». Это было открытием для Ивана. Католик добавил еще, что надо быстрее спать.

Одним из гениальных людей, кроме Кекконена, с которым общался с санкции посольства Хабаров был Генри Киссинджер, тогдашний госсекретарь США. Он произвел на стажера очень благоприятное впечатление. Их познакомил выдающийся историк швед, ранее упоминавшийся в романе, М. Якобсон. Пригласил Ивана к себе на дачу, где уже был американский секретарь. Беседа сразу пошла в ускоренном темпе, поскольку американец предупредил, что у него на советского стажера выделено полчаса. Однако, просидели вместе более часа. Дипломат профессионально задавал вопросы о политике руководства Советского Союза, аспектах диссертации и сроках, месте ее защиты. Хабаров с удовольствием отвечал на вопросы, азартно защищал политические шаги Брежнева и подробно с удовольствием рассказывал о своей теоретической работе. Американец соглашался со стажером, что Россия должна быть сильной с тем, чтобы не проиграть в борьбе с капитализмом, однако утверждал, что излишне СССР вооружается, в том числе в ядерном отношении. «Но уж, нет!», – Хабаров завелся на тему агрессивности американцев, пытающихся «военной силой» утвердить в мире демократию и распространить ее, опять же силой, на Советский Союз и дружественные ему страны. И также Вы распространяете еврокоммунизм на наших союзников». Генри от удивления даже расширил зрачки и начал интересоваться коммунистической партией Финляндии, почему мы помогаем «сталинистам», то есть сторонникам Т. Синессала и гнобим «красных» коммунистов. Ответ был тоже легок: «Потому что тайсовцы защищают интересы Финляндии и мира», – довольно резко обрубил Хабаров. А еврокоммунисты стараются увязнуть в соблазнах Запада и плетутся за Вами». В то время готовилось Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, переросшее затем в ОБСЕ, и Киссинджер, задавая вопрос, обсуждая тему, впивался огромными глазами в юношу, откидывался в кресле назад при удачном или неудачном цитировании Иваном К. Маркса, В. Ленина, Л. Брежнева и некоторых американцев по проблеме. Он хохотал заливисто, но басом, который был явно симпатичен советскому человеку. «Раз так смеется

– значит хороший человек», – размышлял Хабаров, откровенно раскрывая ему «семейные и научные тайны». Американский еврей смеялся, улыбался без ехидства и также много рассказывал о подготовке СБСЕ. Расставаясь, он крепко пожал руку Ивану, пытался обнять, но как-то, может быть, неудачно Иван уклонился от объятий. Кое-что Хабаров из беседы с Киссинджером использовал в своей диссертации, а местным финнам, шведам, и даже американцам с удовольствием рассказывал содержание беседы с высокопоставленным американским дипломатом.

На лыжах в Финляндии

Упорство в спорте, хотя и с малыми достижениями, выработали у нашего героя И.Хабарова напористость во всем, в первую очередь, в учебе и слежении за своим здоровьем, которое способствовало, как учебным, так и спортивным успехам. В частности, он, как ни странно, не любил соленое, сладкое, а ел только то, что полезно для тела и мозга. Это стремились прививать ему практически все окружавшие юношу люди. Примером для него являлись великие спортсмены, такие как Павел Колчин, Владимир Кузин и сотрудники НКВД, в первую очередь, Даниил – подтянутый, сухопарый гимнаст, стрелок, хороший самбист.

В институте на факультетах английского языка и физкультуры Иван учился легко, получив 1 разряды по лыжным гонкам и бегу на 5000 и 10000 метров. На физкультурной кафедре его пытались убедить, что необходимо заниматься гимнастикой, поскольку мышцы его тела якобы «подходили для подобных увлечений». Он легко упражнялся на кольцах, брусьях, перекладине, практически выполняя все нормативы, и даже получил 3 и 2 разряды. С удовольствием играл в шахматы. Именно спорт помогал Ване заниматься успешно английским с преподавателями, финским языком с Даниилом, не забывая о раннем увлечении философией. Тогда же неожиданно для Ивана мама зародила ему мысль о том, что он учится, а пусть все учителя только помогают ему продвигаться в становлении и учиться без насилия, на личном целеустремлении, энтузиазме и желании, добиваясь исполнения мечты небольшими шагами. Для педагогической системы постсталинского периода это было настолько ново, что Иван не сразу понял прозорливость родной матери. Откуда она взяла данное знание? Иван посчитал, что, видимо, от Даниила, так как чекист-контрразведчик был уверен, что учащийся сам должен идти и искать необходимые ему умения и навыки, не ожидая, когда и как ему поднесут знания мудрые учителя. Так Данила преподавал финский язык, свободно, легко, перемежая серьезные вещи с шутками, анекдотами, нецензурными словами и выражениями, которыми он владел, пожалуй, лучше и больше, чем многие культурные люди в Финляндии. Он был переводчиком во время финской кампании, допрашивал офицеров и рядовой состав тогдашнего врага, вербовал и затем работал с агентами из немцев, финнов и шведов.

Когда Ивана призвали в Советскую армию, то он поначалу был в спортивном батальоне Сибирского военного округа, однако убедил командование, что ему надо получить какую-либо воинскую специальность: «А бегать за округ я все равно буду и когда надо побеждать», – с редкостной для армии наглостью он заявлял командирам. Его «засунули» в учебную роту отдельного батальона связи, где старшина Кокорин «вынимал из него душу», насаждая дисциплину путем наказаний. Иван избегал нарядов вне очереди, уходя на тренировки, так что старшине было трудно «достать» Хабарова для исполнения угроз. Все время хотелось учиться, и Ванечка получил, упорно работая «на ключе» и с радиостанциями, должность радиста-телеграфиста 1 класса, его назначили командиром отделения и начальником радиостанции «Р-118». Молодой сержант решил опять учиться и пошел проситься в школу «женихов», то есть в школу военной контрразведки СибВО, что находится близ Красного проспекта в Новосибирске (этот «секретный объект» известен всем жителям города, особенно девушкам). Его не приняли сразу, объяснив, что «сюда поступают только люди с высшим образованием». Примерно через месяц Ваню вызвали в особый отдел дивизии и предложили пройти медицинскую комиссию. Все было хорошо, кроме «панических атак», обнаруженных психологом и психоаналитиком, диагноз был также подтвержден неврологом и на детекторе лжи, который Иван пытался обыграть. Это было настоящее горе для Ивана, да и атак уже много лет не было, поэтому мысль о продолжении обучения, естественно, не отпала. По совету Даниила, Ванечка подал заявление о приеме в аспирантуру Московского государственного университета, в котором изложил все свои «достижения» и желание работать по теме, опять же рекомендованной Дании-

лом, «Подъем национального самосознания финляндского народа на смене веков XIX и XX». Экзамены в аспирантуру по философии, по специальности «История» и английскому языку были пройдены легко. На сдачу английского пришло около десятка преподавательниц, чтобы послушать этого «сержантика». В научном отношении Иваном руководил лично декан истфака Ю. Кукушкин. Несколько докторов взялись помогать и меньше, чем через год, было принято решение отправить Хабарова с целью сбора материалов для диссертации в аспирантуру Хельсинского университета.

В общежитии университета соседом по квартире (такова система общежития – квартира, в ней две комнаты, общая кухня и санузел) был аспирант факультета теологии Эркки Хаависто, который после нескольких дней знакомства предложил покататься на лыжах. Условия были идеальные: в парке пригорода Хельсинки лежал чистейший снег, была проложена лыжня, дорожка для конькового бега, сауна готова, нагрета, как сказал Эркки, специально для русского стажера. Позже прояснилось, что льстили не зря: продолжалось изучение Ивана спецслужбами. Хаависто принес лыжи, приготовленные для «этого непрофессионального бегуна». Ваня был в тоненьком комбинезоне и, когда прошли метров 30–40, запросился вперед, сказав Эркки, что ему холодно. Иван всегда мерзнет, даже когда всем другим окружающим тепло. Он мчался по лыжне легко, переходя с «классики» на «конек», соскучившись по тренировкам и гонкам. В этой лыжной стране трассы, в отличие от трасс в великом советском родном до боли государстве, готовят тщательно, как для классики, так и бега «коньком». После финиша Эркки поинтересовался уже в сауне, (где финны обычно ведут, в том числе самые серьезные разговоры, а в предбаннике переговоры), «с какой стати Хабаров бегает так быстро». Пришлось объяснять, что такое мастер спорта СССР для любого русского человека – это вечный труд, но не профессия: «Ну, нет у нас профессионального спорта. Дают стипендию, на сборах адекватно кормят, одевают, обувают и баста – бегай, пока жив», – горячился Иван. Финн сказал, что верит, добавив, что «профессионализм в Финляндии в любой области деятельности оплачивается очень высоко». Через некоторое время Иван и Эркки подружились и, таким образом, был приобретен первый «друг»-теолог из финнов. Они долго и занудливо философствовали по вопросам мироустройства, теологической, экономической и политической институциональной матрицы Финляндии и СССР. Финн при этом много подсказывал по вопросам диссертации Хабарова, рекомендовал кое-какую литературу и ученых в этой области, в первую очередь, теологов. Вот почему позднее Ивана попросили, несказанно удивив, встретиться с католическим архиепископом страны. Целью священника было «одарить» своей книгой для включения некоторых тезисов в диссертацию.

Научный руководитель Вани Осмо Юссила увлекался из спорта только волейболом. Довольно часто выезжали летом в имение ученых, где развлекались данной игрой. На одном из подобных «кооперативов» Иван познакомился с выдающимся историком, политиком и мыслителем Северных стран Максом Якобсоном, который очень заинтересовался темой диссертации, подарил несколько своих книг и обещал познакомить с теми, кто нужен Ивану. Он это сделал позднее, представив Хабарова «самому» Генри Киссинджеру.

Без принуждения с какой-либо стороны Иван поучаствовал в нескольких лыжных соревнованиях, но на чужих лыжах больших достижений не показал. Вернувшись в Москву, да и где бы он ни находился, Иван каждое утро делал зарядку и раза три, четыре в неделю активно занимался спортом.

В МИД Хабарова пригласили довольно неожиданно для него по времени. Он рассчитывал, что пригласят, но значительно позднее. И вот сбылась мечта мамы – после непродолжительной стажировки Иван Хабаров выехал на работу третьим секретарем в посольство. Загрузили Ивана, как говорится, на всю «катушку». В частности, все обмены по линии культуры практически «висели» на нем, также как Дом советской культуры и науки, 51 город-побратим (надо было побывать и выступить в каждом). Вновь спорт выручал. Выезжая в любой город или

даже хутор, Иван старался побегать, попрыгать, поплавать, все это и побольше, и подольше. Старался меньше пить алкоголя, хотя в Финляндии это невозможно по определению: кроме того, что финн сам любит выпить, он еще обожает угощать и, таким образом, спаивать собеседника. По рекомендации одного из врачей, Иван иногда выпивал не закусывая, но быстро отказался от такого метода «избавления от плохого холестерина». Но это шутки, а именно через спорт бывший русский аспирант университета познакомился с ведущими политиками, бизнесменами, деятелями культуры страны.

Однажды, разогнавшись по льду Финского залива, он увидел у проруби несколько мужчин до десятка, глазеющих на воду. Погода была просто замечательная. Лыжи катились сами и, оказавшись около этой группы, Ваня впервые, вживую увидел высокого, стройного, улыбчивого У. Кекконена. «Здравствуйте, господин Президент Финляндской Республики!», – широко улыбаясь, сказал Ваня. «Здравствуйте, господин гражданин Советского Союза», – ответил Президент. «А как вы догадались, что я из Советского Союза?» «На то я и Президент», – засмеялся великий человек. Ваня в прямом смысле обожал Кекконена, а тот отнесся к Хабарову, как к сыну, снисходительно, но с уважением, дав указание адъютанту пригласить 3 секретаря на очередной прием, на который были приглашены только послы и советники-посланники. «Втык» от бюрократов посольства был естественным, мол, не по рангу полез к Президенту Республики. Ваня и не оправдывался, хотя понимал, что У. Кекконен приглашал для того, чтобы подарить свои книги и их использования в диссертации советского исследователя. Через спорт и волейбол Хабаров познакомился и со следующим президентом страны Койвисто. Если играя с командой посольства СССР, его команда проигрывала, то Койвисто просто уходил с площадки. Такие игры и общение с высшими чиновниками страны помогали заводить необходимые связи, ссылки на президентов и премьер-министров в личных беседах давали ощутимый результат. Дипломат не боялся участвовать в соревнованиях разного толка и даже пробежал на лыжах сверхмарафон 75 км от Тампере до Лахти. Очень интересный марафон, организованный на самом высшем уровне, когда можно сбросить дубленку и прочую верхнюю одежду. Ее солдаты кладут в мешок и привозят на финиш. Вдоль лыжни находятся пункты кормления, а после ждет сауна с бассейном. Иван не попал в мазь на этой гонке, пришлось попросить финна-контролера соскоблить мазь и положить любое средство, лишь бы катились лыжи. Дело в том, что Ивану подарили лыжи эстонские руководители спорта, которые готовили свои изделия сборной Советского Союза, но лыжи, точнее лыжник оказались никудышными. Когда их смазал финн, то лыжи покатились лучше, и Ваня успешно финишировал, заняв третье место. На 46 км страшно захотелось есть. Благо в поясочке у Вани была припасенная шоколадка. Давно он не ел с таким удовольствием. Заглотил и помчался дальше. На финише сам не мог отстегнуть лыжи от ботинок, поскольку оные были сплошь во льду, но финские солдатики помогли снять лыжи. Если бы Хабарову предложили сейчас снова бежать тот марафон, он бы согласился. Единственное, что мешает, так это возраст.

Было много интересных соревнований, организуемых фирмами и компаниями, такими как *Вяртсиля, Конела, Нокиа*. Это богатые фирмы, осыпавшие наградами участников. На одном из соревнований Вяртсиля, занимающейся ремонтом морских судов, Хабаров выиграл гонку на пять километров. Когда участники сидели в предбаннике сауны, обсуждая ход соревнований, устроители заявили об ожидавшем их сюрпризе, заключавшемся в демонстрации видеофильма. А в основном, фильм был посвящен поведению Ивана на лыжне. Он бежал быстро, но останавливался у каждого контролера-девушки, говорил ей кучу комплиментов, договаривался о встрече в Хельсинки и мчался дальше. Народ с удовольствием издевался над советским мастером.

Летом впервые он решил пробежать марафон по Хельсинки. Готовился долго, тренировался с собакой в Кайвопуйсто («Колодезный сад»), где километровая трасса устроена потрясающе хорошо. Бежать по опилкам, насыпанным поверх гравия, доставляло истинное удо-

вольствие. Овчарку Иван оставлял после километра (круг километровый) у дерева сидеть или лежать. Пес отлично понимал, в чем дело. Иван пробегал круг, потом снова круг, но уже с собакой. Итак, за тренировку Иван делал кругов двадцать. Посол В. М. Соболев дал указание доктору И. Громыко (жене внука Министра иностранных дел СССР) отслеживать здоровье и подготовку Хабарова к марафону. Бежать было очень трудно. Рядом (Ванечка «случайно» пристроился), преодолевая себя, бежал Директор национального банка Финляндии Х. Холкери – будущий премьер-министр. Они разговаривали на бегу. Харри отшучивался от зрителей, кричавших: «Почему ты так медленно бежишь?» Говорил, что сегодня, мол, не его день. Иван подбадривал банкира, но, когда вбежали на олимпийский стадион, Харри сказал: «Ваня! Беги вперед. Ты лучше». На что Ванечка ответил: «Ну, уж нет. Первое, что ты сделаешь, когда станешь президентом, то выгонишь меня за выигрыш на марафоне». Так они и финишировали. Иван на шаг сзади Харри. Посол тогда спросил: «Ты зачем так шутишь с будущим премьером?» Иван скромно ответил: «Так положено по этикету» – и получил одобрение посла. Как говорит член международного Олимпийского комитета Ш. А. Тарпищев, главное – не турнир, а то, что происходит после него. Иван с ним полностью согласен, потому что после турниров, в частности, раздаются награды и зачастую проводятся банкеты.

О роли тенниса в работе дипломата

В Финляндии Хабаров был принят в клуб дипломатов города Хельсинки, президентом клуба был советник посольства ФРГ, а Ивана избрали первым вице-президентом. Все члены клуба, за некоторым исключением, играли в большой теннис. Таким «исключением» был и Хабаров. Бобби Макинрой, дядя известного теннисиста, предложил «за умеренную плату ликвидировать у дипломатов клуба теннисную безграмотность». Иван с радостью согласился.

До тенниса Ванечка пристрастился играть в сквош, прекрасную игру для занятых людей, когда ты за полчаса изматываешься и пот льет ручьем. Играл хорошо, чаще с секретарем советского посольства С.Полетовым. Супруга Сережи при встречах упрекала Ванечку за то, что он наставлял синяков ее мужу, в основном, на спине. И правда, мячик маленький, тяжелый, резина его не смягчает удар, а бьешь-то с удовольствием и, как говорит сам Сергей, «с оттяжкой». После получасовой игры душ, сауна и ты свеж, как огурчик и мысли строятся в правильном направлении, настроившись на «игру умом» с любым другом или соперником, будь то дипломат, бизнесмен или политик. Игра стоящая, размышлял Иван «и непонятно почему, в нашей холодной стране, как и Финляндия, не делают залы (хватит и комнатки) для сквоша. Игру эту придумали заключенные в Великобритании, играя в камерах ложками выжатым лимоном. Опять мы отстаем от англичан в мелочах, требующих креативности». Он пригласил теннисистов поиграть в сквош и получил от них нагоняй за то, что это «не спорт, а потовыжималка».

О теннисе дома и в Грузии

В Москве и в России в целом великая теннисная школа, но он столь элитен, что недоступен всем желающим из-за дороговизны оборудования, практического отсутствия мест тренировок, высокой оплаты тренеров и недостаточного количества кортов для проведения турниров.

Хабарова, по каким-то причинам, уважали в ЦК КПСС, может быть потому, что он хорошо владел языками или за надежность, но часто по линии ЦК Ванечку отправляли в командировки с финскими делегациями. В то время единственной буржуазной партией в мире, сотрудничавшей с КПСС, была Партия центра Финляндии и Хабаров объездил с ее делегациями весь Советский Союз. Также много было делегаций от Социал-демократической и Коммунистических партий. Выезжал Иван по стране с удовольствием, удовлетворяя свою любознательность, получая командировочные, и в любом месте пытался найти возможность потренироваться, хотя бы у стенки. Удавалось даже и сыграть, особенно в крымском Мисхоре на даче ЦК, где есть корты, но нет спаррингов, а только любители, как Иван.

Ивану удалось найти корты в Коммунарке, принадлежащие «Газпрому», тренируясь с В. Шустовым. Володя увлекающийся друг в любом деле, английский ли это или фарси, бизнес, а теннис на особом месте. Таких друзей у Ванечки было мало, потому он всегда дорожит мужской дружбой и готов отдать многое настоящему человеку. У него есть своя точка зрения по этому вопросу, заключающаяся в: «Хочешь иметь друга, будь им!» Шустов установил теплые отношения с Ш. Тарпищевым, пользуется его поддержкой и доверием, по рекомендации Шамиля Володю избрали председателем ассоциации теннисистов г. Смоленска и области. Ванечка жил у Шустова в этом древнем прославленном городе более двух месяцев, много тренировались у талантливых специалистов, но технически Иван не подрос, а играет, по его словам, «стабильно плохо». Он понимает, что надо тренироваться больше, как ранее в лыжах, однако в гонках на лыжах лишь около десяти движений, а теннис – это «шахматы в движении», где нужно учиться постоянно, где необходимы навыки, добываемые личной креативностью, когнитивностью и творческим подходом. Но сколько ни теоретизируй, надо вставать у стенки, управлять мячом и только тогда будет победа над собой, а «победишь себя, можешь победить любого соперника в своей категории», считает Иван.

Работая в Грузии в качестве 1 секретаря Посольства РФ, Хабаров все свободное время проводил на корте. В Тбилиси три больших хороших корта: Лейлы Месхи, Александра Метревели и еще один близ ипподрома. Играли, в основном, у Метревели. В столице Грузии теннис в почете и развит довольно мощно, да и Господь благоволит. Днем летом всегда хорошая погода, ночью гремит, дождь льет, думаешь, все – пришел армагеддон, а утром солнышко радостно улыбается, птички поют и можно играть, пыль прибита, красота. Иван играл с депутатами парламента, министрами, дипломатами, представителями СМИ и Международного валютного фонда. Грузин играет экспансивно, горячо, с криком и шумом отстаивая свою позицию вплоть до драки. После матчей с финнами, которые проходят по-спортивному зло, но молча, Ванечке поначалу было трудно привыкать к такой экспрессии, доходящей до оскорблений. Но после матча грузины, еще немного покричав в душевой, садились за стол и пили хорошее, предположим, зеленое вино «Манави», а в последнее время пиво и водку. В беседах затрагивались вопросы спорта, но глубоко обсуждались политика, экономика и культура страны. На этих посиделках Хабаров установил хорошие отношения с послами Израиля, Украины, советником-посланником США, представителем МВФ, министрами и депутатами парламента. Выяснилось, что посол Израиля закончил аспирантуру Хельсинского университета на год позже Ивана и этот факт давал последнему шанс разговаривать с «его превосходительством» почти на равных, причем посол знал этот язык значительно хуже российского дипломата. Другие

участники бесед пытались выяснить, на каком языке говорят израильтянин и русский, но оба, посмеиваясь, не разглашали тайны. Разговоры после игр были очень интересны для Хабарова, он делал в посольстве подробные записи бесед, докладывая их послу Ф.Станевскому.

Выдающаяся теннисистка Л. Месхи создала в Грузии замечательную Академию тенниса и провела в тот период Открытое первенство Тбилиси в рамках WTA. Наши девушки Елена Дементьева и Анастасия Мыскина выиграли в парном разряде, а Надежда Петрова в одиночном. Хабарова Лейла попросила выступить по поводу победы российской команды, что он с радостью сделал, предварительно расцеловав Лену и Настю в мокрые, соленые от пота щечки (они только что победили, а победительницу Надю также обнял и расцеловал принародно с разрешения и в присутствии ее мамы).

Принципиально Ваня считал, что любой российский дипломат обязан быть примером для иностранца, с которым он работает, в том числе в спортивной подготовке. Да и вообще, для него внешнеполитический работник, не занимающийся физическими упражнениями, уподобляется человеку, сознательно решившему состариться к 60 годам и форсировать свое одряхление.

Спорт помог Ване в значительной степени стать научным работником, даже профессором высшей категории, затем дипломатом, правда, не высшего звена. Спорт сделал его упорным, упрямым, настойчивым, научил добиваться поставленной цели, выигрывать у соперника не только физически, но и интеллектуально, поскольку А. Даллес американский Госсекретарь определил разведку и дипломатию, как «войну умов».

Глава 4
Грезы, сны и сновидения

Мария всегда мечтала о том, что ее младшенький добьется высоких постов. На шутки подружек она отвечала, что всегда так будет, потому что она об этом мечтает, дает ему все, что не додала Виктору. Она часто видела его во сне военным, иногда чекистом в форме, в галифе и хромовых сапогах. Подружки издевались над ней, особенно Раечка, у которой родители и муж были репрессированы, а муж расстрелян. Рая иногда спрашивала: «Вот при такой твоей любви к нему, он то тебя любит?» Она отвечала: «Сейчас то ему три годика и любимое его дело залезать ко мне в постель, когда Коленька уходит на работу. Он все еще сосет грудь и даже совершает движения, которые говорят, что он мужичок, хотя и с ноготок. Водила его к психиатру. Психиатр сказал, что это Эдипов комплекс». Раечка среагировала: «Комплексы, шмоклексы, все это ерунда, лишь бы мамочку любил. У меня подруга Розочка живет с шестнадцатилетним сыном. У нас евреек это принято. Англичанин имеет жену и любовницу, живет с женой; француз имеет жену и любовницу, живет с любовницей; у русского – жена и любовница, он живет с бутылкой; а еврей имеет жену и любовницу, а живет с мамой». Девочки хохотали, требуя подробностей у Маши и Раи, что заводило их на шутки, воспоминания, анекдоты. Они говорили откровенно. Рая с горечью, вспоминая о муже, сказала, что у дочери тоже какие-то сексуальные отклонения, видимо, играют гормоны, а как результат – стало очень прыщавым лицо. Тоже надо вести к кожнику, психиатру и другим доктором, но некогда и потом она жена «врага народа», а дочь тоже «врага народа».

Маша все-таки грезила о контактах с Данилой, причиной были частые измены Николая. На заводе работали 90 % женщин, и, по многим признакам Маши, он часто изменял ей. Иногда, говоря о том, что он идет в ночную смену на работу, заходил к Рае и оставался на всю ночь. Правда, мама тоже «не была подарком». Кроме того, что грезила Даниилом, она в 18 лет изменила Николаю с оркестрантом в ресторане, в котором она работала. В результате родился Виктор совершенно непохожий на членов клана Хабаровых или Качкиных, откуда идет ее ветвь. Поэтому Иван считал, что мама его предала. Она и говорила то больше о старшем сыне, показывая несознательно свою озабоченность о его судьбе. Более того, они с Николаем разделили детей. Виктор был поделен, как мамин сын, а Ваня, как папин. Сколько слез по этому поводу пролил Ваня – одному Богу известно. Это наложило глубочайшую рану в душе Ивана на всю оставшуюся жизнь, поэтому он всегда относился и относится к людям с большой долей подозрительности, как к потенциальному предателю. Маша никогда не сближалась с Даниилом, лишь только в плясках или танцах, когда он подхватывал ее, кружил, подбрасывал, разрешала ему целовать только ручки и щечки.

Работала она много и упорно: домашнее хозяйство, дети, огород, Коленьку накормить пожирнее, посадить, окучить, выкопать картошку на приданных Н. Хабарову десяти сотках земли в Тогучинском районе. Вот были основные «политические» приоритеты Маши. Она таскала в район обоих сыновей. Младшенькому было три, старшенькому – пять. Они выезжали в «телячьих вагонах» или «теплушках» заводского поезда, далее следовали на машине до картофельного поля. Она выкапывала лунку, младшенький бросал посевную картошку, старший лопатой загребал ее. Три раза за сезон ездили окучивать. Лето в Сибири жаркое. Потные и чумазые они возвращались домой. Маша всегда поощряла детей. Отмыв с визгом и плачем младшенького и, как убитая, валилась в постель. Много ей пришлось пережить, судьба послевоенных граждан Советского Союза была очень тяжелой, но они считали ее благородной. Если и снились Маше какие-либо видения, то это касалось опять же Данилы, Витеньки и Ванечки. У нее были провидческие сны. Так Виктор стал офицером, о чем мечтала и видела во сне Маша,

офицером авиационного полка, дослужился до майора. Судьбой Ванечки мама была в целом довольна. Сны сбывались, Господь слышал ее молитвы о Ване. Она часто его водила в церковь, где ставила на колени и заставляла говорить совершенно непонятные ему слова. Он виделся ей во сне ученым-астрономом, потому что один доктор наук – астроном был ее приятелем, но почему ему была подарена судьба дипломата, она относила к «божественному поцелую» ее Ванечки. У него и родинка то была на том месте, которое можно целовать только родному человеку. И когда целовали женщины в любое попавшееся место, Господь умудрился поцеловать его в мягкую часть бедра.

С возраста трех лет он помнит кошмар: серая огромная масса надвигалась на него и он орал благим матом ночами, будя окружающих. Старший брат негодовал. Доктор, тот же психиатр, к которому всегда ходила Маша, поставил диагноз «панические атаки практически не лечатся». Они продолжались у юноши долго, и по этой причине он не был принят на учебу в спецслужбу.

Вообще то он не был трусом, боялся только за судьбу мамы и даже не стремился казаться, а считал, что надо быть таким, каков есть. Для подавления инстинктов и соблазнов активно занимался спортом, получил значки БГТО и золотой значок ГТО, многие разряды по легкой атлетике и уже в армии «мастера спорта» по лыжным гонкам. Все это давало мало времени для сна и особенно сновидений, но в короткие часы сна ему примерно раз в неделю снилось что-то непотребное. Он сам не знал, что это такое, но чаще это было со зрелыми женщинами, тогда он просыпался в поту, желая побыстрее умчаться на тренировку или на учебу. Такая перманентная борьба с собой приводила не только к необходимому результату, но и повышению его самооценки и радости от содеянного. Не к гордыне, а именно радости, когда он чувствовал, что победив себя, он может победить любого соперника, хотя никогда не ставил целью кого-то победить, только себя. Во снах он тоже тренировался, технически выполняя бег на лыжах или сальто на перекладине. Иногда ему снилось, что он уже работает переводчиком, допрашивает англичан и финнов, с удовольствием матерясь, и допрашиваемые во сне «раскалывались», выдавая секреты. Такие сны явно нравились Ване, он перед засыпанием заставлял себя думать не только о любимой Валечке, но и о выражениях на английском, финском, шведском языках, которые надо было переводить. Также во сне он водил машину, самолет, прыгал с парашютом. Если парашют не раскрывался, он без ощущения страха просыпался. Подобные сны были явно навеяны чекистом Даниилом, которого он любил больше, чем Николая. И как позже выяснилось, его также любила и мама. Воевать во сне ему не приходилось, он твердо заявлял иностранцам, что папа бился с финнами с помощью пулемета, а он будет бороться за дружбу с помощью их языка. Мамины молитвы помогали. Они незаметно со временем сбывались – Ваня «реализовывал себя».

Глава 5
Гении

Нельзя назвать это случайностью. Кроме того, что Ивану крупно повезло, видимо Провидение поцеловало его в определенный момент и в определенное время, потом что ему удавалось встречаться с разными гениями предыдущего столетия.

Начать, пожалуй, следует с женщин. Е. В. Образцова – лучшее меццо-сопрано мира на века, с которой, как выяснилось Иван родился в один день, месяц и год, была гениальна во всем. Она владела пятью иностранными языками, всеми музыкальными инструментами и пела, как Богиня. Встретившись впервые с ней, Иван был очарован ее красотой и темпераментом. Когда они сели для интервью перед корреспондентами местных и иностранных газет, вдруг не оказалось переводчика. Иван взялся переводить на тот язык, которого она не знала, и с того языка, которого она не знала, то есть финского. Постепенно «папарацци» завели приму на беседу о Большом театре. Она также с пылом, горячо начала «поливать грязью» руководство БТ. Затем вдруг взглянула на Ивана и говорит: «Ты, что? Я такие серьезные вещи рассказываю, а они смеются!» А он ей: «Ты думаешь, Лена, я буду переводить всю ту чушь, которую ты несешь? Так же нельзя». Она в прямом смысле схватила его за уши и дала продолжительный поцелуй, сопровождавшийся хохотом журналистов. Она очень расхвалила Ивана, но он скромно, потупив взор, сидел молча. Директор театра Оперы пригласил вечером откушать раков. Вечер был теплым, перешли в ресторан на крыше здания отеля. Была шикарная осенняя погода, светило солнце, создавая божественное настроение. Покушали раков, запили, кто вином, кто водкой, поговорили о программе примы (она была обширной), согласовали, разошлись. На следующий день с утра Елена Васильевна «захотели» раков снова и позвонила Ивану в посольство. Дипломат совсем недипломатично сказал: «На одну порцию раков у меня уйдет ползарплаты». В ответ получил: «Я пожалуюсь послу». Иван попросил подождать, созвонился с директором Оперы, в шутку «с гневом» сказал: «Зачем ты приму кормил раками? Она снова их хочет». Договорились, что Иван накормит приму, и пришлет счет со своей визитной карточкой в адрес Оперы. Так и было сделано, хотя, когда вечерком Иван поехал кормить приму, у нее в номере была еще девушка – итальянское сопрано. Пришлось кормить двоих, ну и самому по требованию директора Оперы съесть двух раков. Ничего, думал Ванечка, у гениев свои причуды. Однажды она даже вынудила его приехать после работы примерять бюстгальтер в магазине, хотя могла сделать и без его перевода. Судя по опыту Ивана, все гении капризны. Та же М. М. Плисецкая уж «капризуля» больше некуда, крайне требовательная к себе и к людям. Ивана она и обнимала, и целовала за то, что он «спортсмен и что-то соображает в балете». Она осталась в памяти Хабарова своей откровенностью и жесткой прямотой. Обычно на вопрос: «Какая же Вы такая хрупкая и изящная, но мощная?» Гениальная балерина, сравнимая только с Э. Дункан, отвечала коротко: «Жрать надо меньше и не жалеть себя».

Нельзя не любить народного артиста СССР и РФ Е. П. Леонова. То, что Евгений Павлович играл на сцене и в кино великолепно, не подлежит сомнению, но он был еще и человек замечательный. При первой встрече Иван пропел ему: «Куда идем мы с Пяточком большой, большой секрет!» Народный артист, конечно, играя, аж подпрыгнул и довольно громко крикнул: «Да, Вы то откуда это знаете дипломат!» Ваня засмеялся и сказал: «У меня и секретов то нет, единственный, но это тоже не секрет – это то, что я люблю Вас Евгений Павлович». Сразу же завязалась дружба со стороны Вани. Или Леонов так хорошо играл, но он внешне искренне смеялся, радовался, что Иван был уверен, что идет честная игра с его стороны. Уже не играя, за обеденным «шведским» столом Леонов скромно взял какую-то неверную, по мнению Ивана пищу, на что последний заявил: «Ну, истощаете Вы здесь Евгений Павлович. Давайте-ка

пойдем к столу, и я покажу, как нужно «грабить» финнов и шведов». Взял большую тарелку, положил на нее щучью икру 3 ложки, резаный репчатый лук поверх икры, сметану и обложил отварным картофелем. С каким же наслаждением ел это народный артист, причмокивая, подхохатывая и похлопывая Ванечку по плечу. Группа приехала в Финляндию во главе с Л. Гайдаем снимать фильм «За спичками». Другие народные артисты поначалу скромничали в еде, но затем, увидев, как вкушает Е. П. Леонов, засуетились к «шведскому» столу и с наслаждением уничтожали, в-первую очередь щучью икру. Вообще, весь период общения с Леоновым и его сотоварищами по съемке фильма было для Вани настоящим праздником, а работа истинно в радость.

Кроме Леонова, большое впечатление на Ваню произвел также огромный по весу и росту В. Невинный. Этот откровенный любитель алкоголя, если не сказать хуже, пытался, правда, безуспешно, споить и Хабарова. На приеме студии «Суоми-филми», когда Иван разговаривал с министром просвещения и культуры страны о его впечатлении, насколько удачно вышел фильм, бесцеремонно к ним подошел Невинный и заявил: «Вы, что творите Иван Николаевич!» Извинившись перед министром, Ваня спросил: «Что случилось, Слава?» Народный артист громко, видимо, чтобы понял министр, естественно по-русски, которого министр не знал, закричал: «Я не могу пить из этих наперстков, в которых подают водку!» Ванечка попросил Славу подождать минут десять, чтобы получить возможность договорить с министром. Затем подошел к огорченному народному артисту, и они двинулись к барной стойке. Ваня попросил барменшу налить два височных стакана водки. Она несказанно удивилась, потому что человек только что беседовавший с министром пришел пить такое большое количество водки. Но это были ее проблемы, а не Вани и Славы. Сказав народному артисту, что он великолепно сыграл в фильме, поднял бокал за его здоровье и русского народа, и они выпили на брудершафт до дна, после чего Слава заявил: «А вот теперь можно и наперстками!» Через некоторое время, когда министр предложил переехать из полуподвального помещения «Суоми-филми» в американский ресторан, Иван попросил Л. Гайдая собрать ведущих актеров и перейти в микроавтобус. Вновь перед дипломатом вырос уже погрузневший «от наперстков» В. Невинный и вновь громко рявкнул: «Вы что творите Иван Николаевич?» Ваня вежливо спросил: «Что там война объявлена кому-то?» Народного артиста не устраивало его отторжение от обильного возлияние алкоголя и хорошей закуски. Он четко произнес: «От добра – добра не ищут. Здесь выпить и закусить дают? Я никуда не поеду!» Рядом стоял Е. П. Леонов, которому дипломат пожаловался на претензии другого народного артиста. В прямом смысле Леонов дал Невинному, но виновному в этом издевательстве над дипломатом, пинка в заднюю часть высокого тела и сказал: «Ну ты, МХАТ, выматывайся отсюда!» Без сопротивления эта «туша» надела пальто и пошла во двор к микроавтобусу.

Впечатление от Е. П. Леонова повышалось и тогда, когда снимался фильм. Особенно впечатлил эпизод его нахождения в сауне с высокой блондинкой «в теле». Сауна реально была разрезана поперек, в ней было прохладно, но они были сняты в естественном виде. Е. П. Леонов до исступления убеждал Л. Гайдая вырезать этот эпизод из фильма, заявляя: «Леня! Ну, вырежь. Я же такой маленький, толстенький, а она красавица. У меня все семейное такое же мелкое, как и я. Мне на колени перед тобой что ли вставать?» Режиссер с огромным нежеланием согласился с народным артистом. Эпизод был вырезан.

Фильм в целом неудачный, но министр просвещения и культуры оценил его очень высоко. Народ страны также с удовольствием на просмотрах смеялся, потому что сюжеты сельской жизни были близки рядовому крестьянину, а население Финляндии, как известно, хуторское и больше сельское.

Ваня отмечал в своем обзоре о фильме в Москву, что блестяще сыграл в этом фильме заслуженный артист РСФСР Г. Вицин. Когда был снят эпизод побега Вицина от жены и «друга» Е. Леонова, то последний заявил: «Если бы я догнал этого кролика, я бы въехал ему оглоблей

по тощей спине». Вообще Вицин был каков в фильме, таков и в жизни: он пару раз в неделю приходил в посольство, выпрашивая у Вани записку в посольский магазин для приобретения сигарет. Он ссылался на то, что жена и дочка курят только американские сигареты, и Иван, «естественно», верил ему.

Большое и прекрасное впечатление произвел Г. А. Товстоногов. На первый взгляд обычный человек, в глазах Ивана вырос до гения. Большой драматический театр Ленинграда поддерживал дружеские отношения с Городским Национальным театром Хельсинки и БДТ не менее одного раза в год приезжал в страну на гастроли, благо от Ленинграда до Хельсинки ехать менее десяти часов. То, что театр великолепен, ясно всему миру и гений Г. А. Товстоногова проявлялся не только в режиссуре, но и в общении с рядовыми дипломатами. Особое впечатление на Ивана произвел спектакль «История лошади» по Л. Н. Толстому. То, как сыграл лошадь Е. Лебедев, не поддается осознанию, трогает душу и вызывает только восхищение. Реально перед зрителем была лошадь, которая говорила, думала, страдала, восхищалась и ржала. Какой восторг Г. А. Товстоногов и его родственник Е. Лебедев вызывали у финского зрителя описать в формальной справке о спектакле было просто невозможно. Актеров вызывали «на бис» до тридцати раз. Г. А. Товстоногов скромно улыбался, затем на квартире у Ванечки за «рюмкой чая» на вопрос: «Как же Вам это удается?» отвечал: «Если бы я сам знал, гениальные ребята – актеры от Бога». Уж ему-то Ваня точно верил. Единственный недостаток великого режиссера был в том, что он безбожно много курил, прикуривая одну сигарету от другой. Особенно и, естественно, справедливо он хвалил К. Лаврова, хотя они и спорили «до безобразия», по мнению Вани. Отрицательного персонажа, практически всегда, играл в спектаклях и кино Николай Т. В жизни, как и на сцене, он «играл» жуликов и совершенно неслучайно попался на воровстве колготок. Ваня всегда в беседах с приезжавшими людьми культуры и науки предупреждал, даже умолял «не воровать». Обычно с гневом встречали делегации эти слова. Тогда он использовал простейший психологический прием, спрашивая «фамилии называть?» Не надо, потому что все понимали. Да, и Иван понимал, что дефицит сигарет, колготок в Советском Союзе подталкивал людей на преступление, которое они считали мелким. Так Николай Т. «взял» в супермаркете три упаковки колготок, не оплатив. Каясь перед Г. А. Товстоноговым и Ванечкой в содеянном, единственное, что он мог привести в оправдание «бес попутал». Решили не наказывать и не сообщать в Москву о преступлении.

Вообще, никто в СССР, практически, не знал, что Г. А. Товстоногов, будучи драматическим режиссером, поставил в Финляндии оперу, да и какую! Это была опера Джузеппе Верди «Дон Карлос». На сцене замка города Савонлинна. Замок расположен на острове, окружен Балтийским морем, к нему ведет деревянный мост. Грандиозное строение из кирпича с открытой крышей, в случае дождя накрываемой брезентом. Замок построили шведы во время войны с Россией. Как военное укрепление в настоящее время это, по сути, ничто, но как место для ежегодных фестивалей – прекрасно. И там был поставлен «Дон Карлос». Были приглашены многие народные артиста СССР, певцы из Италии, Германии, США и других стран. Много было курьезов и занимательных историй. Совершенно неслучайно в них принимал участие и «бедолага» Ваня. Был такой характерный эпизод между русскими людьми и финнами. Приехав в имение великого баса М. Талвела, едва преодолев барьер в виде деревянной изгороди, к нему быстрым шагом подошла женщина, как выяснилось жена М. Талвела, и сказала: «Ты Ваня Хабаров?» Получив утвердительный ответ, она твердо объявила: «Здесь у нас не пьют алкоголь…, кроме водки» Иван тут же сказал, чтобы забрали из багажника ящик водки. Женщина добавила «и коньяка». Иван произнес: «Пусть и коньяк заберут». Она опять: «И шампанского». Иван с удовольствием произнес: «Да забирай, все вместе с «Опелем». Чуть позже была организована сауна, где два гениальных певца М. Талвела и Е. Е. Нестеренко оспаривали, чье первенство в басовых партиях, превознося один другого. Ивану это было смешно, и он сказал: «Мужики! Перестаньте спорить. Вы оба лучшие». Эти гении удивились, что дипломат что-то

соображает и пригласили его в предбанник выпить водки с пивом, что было сделано. В «Дон Карлосе» пели наши артисты: Е. Образцова, Т. Синявская, Г. Калинина и несколько других действительно великих певцов. Ване совершенно не случайно удалось поучаствовать в опере, походить в военной форме времен рыцарей, не произнося ни звука, только открывая и закрывая рот. Такова была просьба Г. А. Товстоногова.

Музыка и особенно хоры Д. Верди настолько глубоко внедрились в подкорку и кору мозга Ванечки, что он «тает», когда слышит эту музыку и особенно хор.

Очень симпатичный музыкальный конкурс имени Сибелиуса привлекал выдающихся пианистов и певцов. Особенно понравился Ване талантливейший пианист, лауреат премии П. И. Чайковского А. Гаврилов. Он с редчайшей легкостью выиграл конкурс Сибелиуса. Также довольно легко выиграл конкурс певцов В. Чернов и легко споткнулась Л. Казорновская. Она плакала Ванечке «в жилетку», он заверял ее, что это случайность, что все у нее впереди. Это оказалось правдой. В. Чернов, победив, получил много подарков и наград и тут Ваня совершил преступление перед своим государством. На жалобы В. Чернова, что жена просила норковую шубу, а он хочет купить «Мерседес», Иван сказал: «Твой выбор. Сам решай, но этого разговора не было». Преступление? Да, но Иван пошел на него и не кается.

Не гениальная, конечно, девочка, уже знаменитая скрипачка В. Мулова, получив международную премию и будучи принятой и обласканной советским послом В. Соболевым, ушла на севере Финляндии в Норвегию, забрав с собой скрипку Страдивари. «Поводом» для ее ухода послужило, как заявляли в шутку друзья одного из дипломатов, его заявление в беседе с ней: «А на чем вы, собственно, девушка играете?» Ей, «гениальной» скрипачке заявить такое? И она ушла. Уйти было просто. В городе Оулу стоит перейти небольшой мостик через ручей, и ты оказываешься в Норвегии. Так она и сделала, уйдя, как она сказала папарацци «за любовью». Позднее В. Мулова через посольство в Осло возвратила скрипку.

Много внимания Ваня уделял визитам и гастролям Аллы Пугачевой. В отношениях с ней было также много нюансов, когда на первом же концерте в «Рабочем доме» к Ивану подсел руководитель делегации и начал нашептывать о том, что аккордеонист группы «великой» певицы вынашивает намерение «уйти» в Норвегию после концертов в том же городе, откуда ушла В. Мулова. Попросив руководителя делегации не мешать слушать концерт, Ванечка сказал: «Чего ж вы думали в Москве, когда отъезжали?» Он доложил послу о нашептывании горе руководителя. Посол спросил: «Что будем делать?» А Ваня сказал: «Ехать в Оулу и отбирать аккордеон несерьезно. Это самое ценное в данном инциденте». С руководителем согласовали, что в случае реальной угрозы «ухода» аккордеониста в Норвегию, он позвонит в посольство и скажет, что концерты идут хорошо, Алла Борисовна будет петь «Святую ложь». Последние два слова означали бы, что есть прямые намерения «уйти». Напрочь забыл об этом разговоре, а через пару дней его останавливает дежурный по посольству и говорит: «Иван Николаевич! Какой-то придурок звонит из Оулу и говорит, что Пугачева будет точно петь «Святую ложь». Иван доложил послу, опять получил тот же вопрос и дал такой ответ – пусть несет аккордеон в Норвегию». Опять же это были выдумки Москвы.

Е. Ф. Светланов – потрясающий дирижер. Его оркестранты называли только «маэстро» или по имени и отчеству. Дирижер говорил Ванечке, что любая скрипачка или пианистка пойдет с ним куда угодно после концерта. Иван от души хохотал и спрашивал: «Такого не может быть, потому не может быть никогда. А в уборную, то есть туалет?» И вот совпадение. Вызывает Хабарова посол, показывает бумагу, в которой написано, что Е. Ф. Светланов вынашивает изменнические настроения. И опять встают два философских вопроса – виноват ясно Ванечка, а что делать с дирижером никому непонятно. Приняли решение находиться рядом с гением, бросив остальную работу. Иван вывозил Евгения Федоровича каждый день на зимнюю рыбалку, гений заядло увлекался ею. Ловил на мормышку с намотанной на палец леской и пока Ванечка мучился с одной рыбкой, гений выбрасывал на лед более десяти окуней. Перед плани-

руемым вылетом в Москву Иван шутя пригрозил работникам «Аэрофлота» «повесить каждого, если мы пустим гения куда-нибудь на другой самолет». Аэрофлотовцы даже не улыбались, хотя и понимали шутки Хабарова. При подходе Е. Ф. Светланова к трапу лайнера, как назло, в тридцати метрах стоял самолет, улетавший в Нью-Йорк. Хабарова трясло или от мороза, или от волнения, или от страха – он не знал. Но «гений», обняв и расцеловав Ивана, поблагодарил за большую «помощь», пошел по трапу самолета, улетающего в Москву. Разговор с послом был довольно крутым, потому что так издеваться над рядовым дипломатом просто было невыносимо. Позднее выяснилось, что сообщение о вынашиваемых планах Е. Ф. Светланова инспирировала его жена, перепутав понятия «измена Родине» и «супружеская неверность».

С. В. Михалков. То, что он гениален, ни у кого сомнения не было. Три раза он писал слова Гимна нашей великой Родины, восхваляя страну и И. В. Сталина, получая за это награды и блага. После создания первого Гимна был организован прием в Кремле. Сталин, как рассказал сам Сергей Владимирович, посадил его рядом с собой и наливал ему водку. Произносили тосты, много за Победу, еще больше за И. В. Сталина, поскольку «с песнями борясь и побеждая наш народ за Сталиным идет». Через примерно пять тостов «вождь всех времен и народов» сказал Михалкову: «Молодой человек, не пейте так много, а то с вами будет неинтересно разговаривать». «Я опешил», – рассказывал поэт. «Так тосты же за Родину, за Сталина, за Победу, за гениальных полководцев. Как же не выпить?». «А вы не допивайте», – дал совет И. В. Сталин.

Другая запомнившаяся встреча И. В. Сталина с С. В. Михалковым была на приеме после исполнения ансамблем имени Александрова Гимна Советского Союза. Народу было много на приеме и вдруг кто-то чихнул. И. В. Сталин спросил: «Кто чихнул?» Потом два раза задал тот же вопрос. Следует отметить, что С. В. Михалков в разговоре заикался, а тут он замер и чувствует, что заикание у него исчезло. Кто-то из министров поднял руку и сказал: «Я чихнул, Иосиф Виссарионович». Сталин пожелал здоровья чихнувшему. Какая же радость была у всех, потому что страх перед вождем был великим и тут неожиданно такая шутка.

Великий советский и русский писатель М. А. Шолохов был человеком небольшого росточка, щупленьким, говорил размеренно, продуманно, по-казацки. Когда он в Швеции получил Нобелевскую премию, молодой корреспондент «Комсомольской правды», внимательно глядя на спящего в кресле у колонны гения, ждал открытия последним глаз и, когда один глаз открылся, спросил: «Михал Саныч! Не могли бы Вы дать интервью для «Комсомольской правды»? Писатель снова закрыл глаза, открыл рот и произнес непроизносимое «Да, пошел ты на… со своей «Комсомолкой». И молодой журналист сделал «интервью» с великим писателем на весь разворот газеты. Помимо этого, к нему обратились чиновники из Всемирного совета мира, предлагая ему отдать часть премии, которая в целом составляла 900 000 шведских крон. Он им ответил так же, добавив, что «все равно пропьете любую сумму», а он ее использует в дело повышения благосостояния жителей станицы Вешенская. Сидя с ним однажды на даче в сауне посла СССР, Иван, по-сибирски прямо, спросил: «Михал Саныч! Вот вы опытный конник, как нужно пить самогон: каждый день понемногу или раз в неделю с копыт?» И гений ответил просто: «Все водочные изделия надо пить каждый день понемногу, а раз в неделю с копыт». Такие фразы запоминаются на всю жизнь.

Великий поэт Дагестана Р. Г. Гамзатов тоже был «любителем» выпить. Почти всегда он сидел в президиумах «Общества Финляндия – СССР», но не всегда трезвым. В первый раз, когда Ваня его привез в Дом советской культуры и науки в Хельсинки, и они шли по двору поэт спросил: «А может быть пошлем телеграмму в Махачкала?» Весь в недоумении Ванечка переспросил: «Зачем в Махачкалу?» «Затем, чтобы прислали дагестанский коньяк», – ответил гений. А у директора ДСКН уже была накрыта в кабинете «поляна», после принятия стакана Расул Гамзатович пошел выступать перед народом. Кстати, Иван подарил гениальному поэту свои «стишки», в ответ получив стихи мастеровитого поэта с дарственной надписью. Неодно-

кратно сидя в президиуме какого-нибудь заседания, Гамзатов получал от своего помощника под локоть стакан коньяка с той стороны, где не сидела его жена, косясь на подругу жизни, он выпивал коньяк и делал вид, что снова засыпает.

И. Д. Кобзон проявил себя, как потрясающе дисциплинированный человек. Когда бы он ни приезжал, ни уезжал, он обязательно звонил и сообщал, где он находится. После концертов привозил обычно чемодан с деньгами, Ваня его встречал, и талантливый певец, получал свои «законные 3 %», откровенно радовался. Успех всегда был потрясающий. В разговорах с Иваном был искренен, смеялся всегда с удовольствием. Во время концертов он иногда снимал парик и представлялся «Иосиф Кобзон», вызывая смех аудитории.

С Е. М. Примаковым Ваня познакомился в МИФИ, где великий политик был почетным ректором и довольно часто бывал на концертах художественной самодеятельности студентов, особенно под Новый год. Евгений Максимович очень легко вступал в контакт с людьми, не боялся разговаривать ни с кем, включая любого иностранца. Он обожал шутить и любил тех, кто умеет шутить. Рассказывал сам анекдоты и когда слушал от других байки или афоризмы смеялся заливисто, глядя на собеседника умным пронизывающим взором. На вечерах, которые организовывали студенты и ППС МИФИ, Примаков всегда был в центре внимания. Хорошо пел, умело танцевал, в том числе со студентками. Надо сказать, что Е. М. Примаков был неплохим поэтом. Пример одного из стихотворений Е. М. Примакова, которое Иван считает четкой характеристикой самого автора:

Я твердо все решил,
Быть до конца в упряжке,
Пока не выдохнусь, пока не упаду,
И, если будет нестерпимо тяжко,
Я и тогда с дороги не сойду.
Я твердо все решил,
Мне ничего не надо:
Ни высших должностей, ни славы, ни наград,
Лишь только б милый друг всегда был рядом,
Да не поймать косой, недобрый взгляд.
Я много прошагал,
Но никогда не предал
Ни дела, чем дышу,
Ни дома, ни людей.
Я много проскакал,
Но не оседлан,
Хоть сам умею объезжать коней.
Торопимся, кнутом нас подгоняет время.
Мы спотыкаемся,
Но нас не тем судить,
Кто даже ногу не поставил в стремя,
А только поучает нас, как жить!

Ваня стеснялся читать свои стихи при Е. М. Примакове, однако студенты иногда просили его читать, и он, спотыкаясь, зачастую не помня наизусть свои стихи, зачитывал их по бумажке. Однако, когда студенты просили его выступить в качестве Деда Мороза (по-фински «Еулу-Пукки декабрьский козел»). Это моментально вызывало гомерический смех студентов. Также он играл с упоением, менялись 3–4 Снегурочки, а его инспирировали играть Пукки, побуждая играть в эту простую игру. Простота была в том, что, когда надо было произносить слово

по-русски, Ваня произносил его, как финн. В их языке нет букв Б, Г, Ж, З, Ф и получалось смешно. Смеялись все, не давая Ване времени выпить и закусить на новогоднем празднике, подчеркивая, что это можно сделать позднее.

Е. М. Примаков, как почетный ректор, подписывал дипломы выпускникам международного факультета МИФИ, что не могло не радовать студентов и их родителей. Он и сам делал это с огромным удовольствием, бывая иногда на защите дипломных работ.

Глава 6
Грузия

Находясь в Сибири, затем в Финляндии, Ваня настолько намерзся, отморозив все «торчащее»: уши, нос, руки, ноги и даже гениталии, заработав «облитерирующий эндартериит», то есть слабое поступление крови к вышеуказанным органам. Кроме того, он схватил «аденому простаты». Эти болезни, как в мире принято, хватают до 40 лет, а после безуспешно пытаются вылечить. Вот и Ванечка далеко до сорока намерзся так, что ему хотелось не только женского тепла, но и тепла климатического, да и побольше. В ноябре-декабре он старался вырваться из Финляндии в отпуск, поскольку в это время страна повязала в грязь, снег, дождь и темноту. Начальство отпускало его, несмотря на политическую и другую активность в это время, но никакие рождественские католические праздники не могли остановить Хабарова. Он звонил девочкам в Финансовое управление МИДа, те сразу ему предлагали путевки в Крым, Сочи и другой Кавказ. В то время он любил ездить в Грузию, где завел много друзей, в частности, на Родоне с Цхалтубо (близ гор. Кутаиси), Махинджаури (в 5 км от Батуми). Великий советский композитор Т. Н. Хренников однажды в ноябре спросил Ваню, когда он отдыхает в отпуске. Тот ответил, что в любое время, но лучше в ноябре-январе. Хренников предложил ему поехать в Дом отдыха Союза композиторов СССР под Сухуми, и Иван с удовольствием согласился. Там было тепло и хорошо. Просто нельзя не любить Грузию даже только за географию, хотя Абхазия сейчас самостоятельное государство с населением, которое «мягко выражаясь» не любит грузин. Абхазы и грузины неоднократно воевали. Россия помогала первым, помогает им и сейчас во всех отношениях.

Особенно впечатлила Ваню Аджария. Субтропики: если дождь, то проливной и долгий; если солнце, то яркое, слепящее с потрясающей радугой после дождя; а море вечно теплое и люди вечно добрые, угрожавшие Ване, если он будет много пить чачу, то нос у него будет такой же красный, как у пьющих аджарцев. Много купался в море, выходили на катерах. Много разговаривал и ни за что бы не подумал, что придется работать в этой стране, но удалось. После страдальческих высказываний об обморожениях и желании погреться хоть в Африке, Ваню перевели в Управление СНГ и почти сразу предложили поехать в Душанбе. Он снова «застрадал» и сказал: «Вы, что, я же не сибирский пельмень. Я же сварюсь при такой жаре». Месяца три спустя предложили Тбилиси и с огромной радостью Ваня согласился.

Еще в самолете Хабаров написал стих о Тбилиси (в переводе Тбили – это значит теплый). Так он и назвал вышедший впоследствии сборник «Тбилиси – значит город теплый». То, что на издании сборника настаивали грузины радовало Ваню, но все-таки из некоторых политических соображений он вышел под псевдонимом Николаишвили, поскольку папа Николай, а «Швили» по-грузински дитя, но это потом. Город принял Ваню очень тепло, даже вкусно, поскольку воздух был настолько пропитан запахами лаваша, шашлыка и специй, что Иван едва не задохнулся от счастья дышать им. Грузинам вообще повезло. Говорят, что, когда Создатель распределял земли, он забыл дать этому народу территорию. А, когда люди взмолились, о Боже дай хоть что-нибудь, он сказал: «Я держал этот кусок земли для себя, поскольку, когда пойду на пенсию, то будет, где пребывать. И вот отдаю его вам, лучшую и последнюю территорию, которая у меня была». Представляете, ночью впечатление такое, что наступил Армагеддон. Льет, как из ведра, гремит гром не меньше взрыва многотонной бомбы, сверкают молнии, впечатление, что жизнь вот-вот закончится. А утром рано солнце светит, как будто извиняется за то, что произошло ночью. Птицы поют по разному, то дружно, потом солируют, потом орут, неожиданно замолкают и снова поют хором.

В Грузии растет все, что умеет расти. Воткни палку – если орех, то вырастет орех. Брось зерно в землю, увлажни, да можно и не увлажнять, вырастет пшеница или виноград. Такая Божья благодать, но грузины, особенно элита, «мягко выражаясь» патологически не хотят ничего делать, даже мыслить в целях самообороны. Грузин не хочет ничего, только петь, танцевать, говорить о любви и дружбе, особенно мужской, но может тут же изменить «другу» – качества, которые Иван ненавидит, как в мужчинах, так и в женщинах. «Но чего ты мне в глаза говорил о вечной мужской дружбе и неразрывности связи между Грузией и Россией. А едва я вышел, ты сказал другому «другу» о том, какой все-таки Иван негодяй». Вот это стукачество является, по мнению Ванечки, основной и далеко не благородной чертой грузина. Даже князь Д. Иашвили, о деде которого писал Л. Н. Толстой в «Войне и мире», с удовольствием, как представлялось Хабарову, докладывал в МГБ страны о размышлениях и деяниях русского «друга». Князь говорил, что он не докладывает никому, но Иван, посмеиваясь, подчеркивал: «Ты же единственный, кто получает зарплату на телевидении. Ну и что из того, что ты лучший саундмен в мире, как ты утверждаешь. Деньги то тебе платят не за это». И неудивительно, что грузины плакались и не могли покупать даже закуску на пирушках, потому что на закуску у них денег не хватало. Они покупали только вино и чачу, а Иван закуску, потому что президент Э. Шеварднадзе «принципиально» не платил никому зарплату, даже полицейским, а народ «принципиально» не работал. Полицейские зарабатывали, выпрашивая у начальства жезл, вставали на перекресток и пытались остановить всех подряд. Никто, естественно, не останавливался, тогда полицейский, раскорячившись прыгал на капот, водитель высовывал из окна купюру в два лари (один доллар), машина уезжала. Получалась солидная сумма от свистка и жезла, но полицейский обязательно должен был делиться с начальством. Как зарабатывали другие обычные люди Иван, конечно, догадывался. Кто-то работал, кто-то воровал, кто-то уезжал, в первую очередь в Россию на заработки. Летом в Грузии насчитывалось 5 млн жителей, зимой – 4 млн жителей, потому что 1 млн уезжал в Россию, но только не работать, а торговать, петь и танцевать. Поскольку Иван был добрым человеком, то заботы в заведении связей у него не было. К нему в прямом смысле «липли» дипломаты, даже послы, князья, министры, депутаты местного парламента. Получить необходимую информацию не составляло вообще никакого труда. Коммунист посол Украины в Грузии с удовольствием рассказывал о положении на Украине, о позиции Украины в отношении Грузии и тому подобное. Особенно интересным получился контакт с послом Израиля. Ваня разговаривал с ним на приемах на английском языке, но обнаружилось, что посол учился в аспирантуре Хельсинского университета на год позже Ивана и тут же схлопотал предложение говорить на финском языке. Его превосходительство с удовольствием согласился и, к вящему удивлению находившихся на приеме, они с упоением «завелись». Иван даже не заикался о каких-то секретах, а еврейский посол настолько увлекался, видимо ему некому было высказывать свои мысли, что хорошо, что он не передал Ивану шифры переписки с Тель-Авивом.

Однако было бы кому отдать подобные шифры Иваном в нашем посольстве. Он быстро сдружился с офицером безопасности Ростиславом Петровым, а они ему ой как пригодились бы. Иван этого не делал, потому что чувствовал и ощущал пристальное слежение МГБ за его деятельностью. Один из генералов Министерства Майсурадзе, брат которого был давно известен, как Председатель КГБ Грузии, напрямую спросил, Ванечку ведется ли за ним наружное наблюдение. Иван четко сказал: «Вы же работаете по мне? Я это ощущаю. Работаете, наверное, хорошо, потому что не могу конкретно подтвердить свои ощущения. Вы и я работаете и, если я что-то не так делаю, генерал, скажи мне по-дружески вовремя, только не выдворяйте». Но они попытались выдворить за то, что подставили в качестве сопровождающего в музее И. В. Сталина (Гори – место рождения) молодого человека, которому Иван сказал: «Хорошо бы тебе поучиться в МГИМО, особенно международному праву». Эти слова были наибольшим преступлением, которое совершил Хабаров в отношении Грузии. Как ни странно, на

помощь Ване пришел Президент Э. Шеварднадзе, который, будучи Министром иностранных дел СССР, в Финляндии пожимал руку, здороваясь с Иваном, а Иван представлял его супруге Хатуме культуру северной страны. Он приказал министру МГБ Шоте Квирая оставить Хабарова в покое, а последнему предложил умерить активность. Был бы большой международный скандал, если бы дипломата выдворили из страны СНГ.

Ростислав попросил крестить его в церкви, и они стали родственниками с Иваном. Уже в статусе крестного отца Иван рассказывал новоявленному сыну все, что с ним происходило, и они вместе решали проблемы, вызовы, радостные и горестные дела. В Грузии работы было много, в том числе совершенно неслучайно на приеме в украинском посольстве Иван познакомился с американским советником – посланником Джоном Ричардсом, удивив его знанием положения на Кавказе, в том числе экономического развития или падения в этом плане Грузии. Американец – холеный, высокий «блондин в черном ботинке», знающий грузинский язык. Иван мог только здороваться, прощаться и сказать «я люблю тебя». Джон не проявил интеллектуальных высоких качеств, и Хабаров через примерно 20 минут понял, что можно перехватывать инициативу. Так и пошло. Оказалось, что высокопоставленный янки слабо разбирается практически во всех вопросах и поначалу, поджав губы, а позднее полуоткрыв рот, с наслаждением слушал Ивана. После всяких восхищенных возгласов американца Иван предложил продолжить беседу в русском ресторане, но гордый янки в ответ пригласил его в свое посольство. Поехал. Как же они охраняют свою «нору»: надолбы за триста метров до здания; бетонная ограда с колючей проволокой наверху, физическая охрана с М-16. Внутри технологии XXI века, даже кресло может передвигаться самостоятельно, но «не движением мысли» пошутил Иван. Еще на подходе к зданию высыпало половина посольства посмотреть на русского – диковинка все-таки. Разговор был довольно серьезным. Американца интересовали позиции России в отношении Грузии: экономические, культурные и даже военные связи. Иван демонстративно выпячивал свои аналитические способности, используя такие слова, как анализ, синтез, прогноз, что удивляло американца. В итоге договорились о регулярности встреч. Американец обусловил последующие беседы, что он будет оплачивать встречи. Иван с удовольствием согласился.

Также неслучайно и там же у украинцев Ванечка начал общаться с одним из лидеров чеченской оппозиции Асланом Бабаевым. В то время в Панкийском ущелье на территории Грузии располагалась база чеченских боевиков и руководство России было крайне заинтересовано в информации о деятельности боевиков в этой стране. Визуально было заметно, как на белых джипах с дипломатическом номером 002 ездили американцы и на точно таких же джипах без номеров и с затемненными стеклами ездили чеченские бандиты. Чеченский лидер такой уж умный, такой уж начитанный, такой грамотный во всех вопросах, что Иван с огромным удовольствием беседовал с ним, не лукавя, восхищаясь глубиной, особенно философского воззрения Бабаева. Информации по базе он практически не давал, но сами беседы и все большее движение навстречу друг другу были, по мнению Ивана, благородными. Оба выражали уверенность, что чеченский конфликт будет успешно разрешен на благо всех людей. И этому были предпосылки. Никакой агрессивности, только психологическое сближение и попытки политически уравновесить позиции были одобрены руководством.

Но, прежде всего, интересовало положение в стране, в первую очередь экономическое. Иван внаглую предлагал послу Ф. Станевскому купить всю Грузию тем более, что на приобретение страны не требовалось более 50 млн долларов: купить самолето-ремонтный и танкоремонтный заводы, цементный завод. Это, пожалуй, вся экономика Грузии. Сельское хозяйство и так было завязано на России. Данные вопросы обсуждались часто с министром экономики страны Владом Палишвили, с которым Иван играл в большой теннис и уважал за честность. На теннисном корте встречи были интенсивные, но «главное – не турнир, а то, что

происходит после него». Отыграв, садились в прекрасные беседки и пили много вина, чачу, пиво и водку, причем закуску заказывал обычно Ваня.

Посол Ф. Станевский, естественно, доверял офицеру безопасности и часто направлял Ивана с крестником на серьезные мероприятия. В частности, неоднократно они выезжали в Турцию через любимую Иваном Аджарию, но Турция не входила в компетенцию Ивана, поэтому он только помогал Ростиславу. Однажды им было предложено посетить, а Ивану выступить, на открытии российскими «бандитами» казино в окрестностях Тбилиси. Прибыв на место, а было очень холодно, дул мощный ветер, Иван попросил чачи или водки у устроителей. Принесли водку. Иван выпил стакан, потом второй, хоть бы что, теплее не стало. Иван выступил с довольно пространной речью тем более, что алкоголь начал действовать. Говорил на русском, грузинском (все, что знал, сказал), на английском. Под бурные овации примерно тысячной аудитории пошел на свое место на скамейке, довольный и удовлетворенный выпил остатки водки без закуски. Сидел, слушая концерт, правда, спиной к эстраде. Пела Лада Дэнс. «Ну, и пусть поет», – думал Иван о чем-то своем. Вдруг за спиной голос Лады Дэнс произнес: «Иван Николаевич! Можно Вас пригласить на танец?» Подпрыгнув на скамейке, Ванечка обрадованно взял девушку за талию, и они пошли, танцуя, к эстраде. Неожиданно для себя Иван сказал: «Чего вот так идем. Прыгай на руки». Все это неслось в микрофон. «Выпрямись. Тяжело держать». Она выпрямилась, и он с удовольствием нес это «сокровище» на сцену. Что творилось с грузинской аудиторией, рассказать невозможно. Орали. Хлопали. Кричали: «Вот это дипломатия. Такими должны быть отношения России и Грузии!» Посол в целом одобрил поведение Ивана. На следующий день они втроем: князь, Ростислав и Иван кушали хаш и с удовольствием ржали о том, как удачно было открыто казино.

Довольно часто Иван уединялся с Ростиславом на природе, выезжали близ гор. Мцхета на берег Куры, где она соединяется с Арагви. Садились на скамейку, либо пристраивались на траве, вынимали неприхотливую еду, в основном «траву» и фрукты. Доставали легкого вина, в частности «Манави» – зеленое, якобы его любил И. В. Сталин. Вечно озабоченный Ростик затевал разговор о трудностях работы в Грузии, Иван пытался его чем-то отвлечь. Рассказывал о политических, экономических и прочих моментах «движения назад» Грузии. В одной из бесед Петров произнес выдержки из песни Высоцкого, не извинившись за то, что несколько изменил слова. Прозвучало это так: «Я не люблю грузин, они же трусы. Обидно ведь, невинных бьют. Они всегда залезут в душу, и там же не стесняясь «наплюют». Иван подхватил: «Все делают наполовину. Без повода влезают в разговор, чаще всего стреляют в спину, иль убивают в сердце и в упор». Даже не смеялись, потому что сложное было положение в стране. Владимир Семенович как будто предугадал, что будет именно в этом независимом государстве. Конечно, Ване было легче разговаривать с Ростиком, чем с послом или другими сотрудниками миссии. С ним можно было быть откровенным и дипломат, иногда с матерком, рассказывал о контактах и психопортретах грузин и других высокопоставленных людей, в частности, американцев, израильтян, украинцев и даже персов. Консенсус о грузинах у них с Ростиславом был полный. Иван даже составил таблицу примерно по схеме С. Кирдиной, которую он использовал еще в Финляндии. Все-таки институциональные матрицы глубоко запали Ванечке в память тем более с Кирдиной у него продолжался контакт в Москве, и он вполне понимал этого «матричного академика». Вспоминая ее, Иван рассказал Ростику шутку о том, как на парткоме разбирали дело доктора наук, спрашивая: «Ну, как же так Вы доктор, мать двоих детей и вообще наикультурнейшая женщина стали валютной проституткой?». Она скромно отвечала, несколько подумав: «Видимо, повезло». Это развеселило офицера, но все равно продолжался серьезный разговор о том, как сложно работать с грузинами. «Доверять им нельзя, – горячился вспыльчивый Телец по гороскопу Ростислав. Они могут предать в любое время». Иван в целом не возражал, но говорил, что есть отдельные личности, с кем можно результативно беседовать и приводил в пример своего друга князя Д. Иашвили. Понятно, что среди грузин «днем в огнем не

сыщешь героя, кроме Кантарии, которого И. В. Сталин тщательно подобрал для постановочного ролика водружения Красного Знамени над Рейхстагом. Больше героев что-то они спонтанно найти среди грузин не могли, но, если только Э. Шеварднадзе, получившего Героя Социалистического Труда от М. С. Горбачева за предательство российских интересов. Известно всему миру, что грузины хорошо поют, пишут неплохую музыку, танцуют, заводят быстро контакт с лицами любой национальности, но развивать первичный контакт, практически не способны из-за нежелания учиться. Много претензий у обоих дипломатов было и к грузинским женщинам. «Ну, почему они купаются в озерах, одетые чуть ли не в пальто и шубу? – теперь горячился Ванечка. «Она же женщина. С виду на пяти метрах дистанции она очень красива, стройна, попочка на ножках, а с двух метров начинаешь ощущать, извини Ростик, вонь. Можно оправдать это тем, что наш «виновный» во всем А. Чубайс не дает им электричества (в то время он был Председателем РАО ЕЭС). Он вообще практиковал отключать электричество, а, соответственно горячую воду, да и холодную тоже, если грузинское руководство вело себя неподобающим образом, с точки зрения Б. Ельцина. Иван и Ростик смеялись над тем, как реагируют грузины, когда А. Чубайс вновь поднимал рубильник. Население Тбилиси, да и других городов вылетало на улицы с криками: «Света пришел, шуки арис!» Еще возмущало Ивана то в женщинах, что они похоже никогда не снимали черную одежду, начиная с головных уборов и, заканчиваю туфлями.

В советское время Грузия была наиболее богатой республикой. Люди могли летать в Москву на концерт и в тот же вечер возвращаться в Тбилиси. У них была лучшая в мире мебель, отделанная по евроремонту квартира, ухоженные парки, скверы и стадионы. Денег у каждого грузина было немерено, и они, не скупясь, тратили их на русских женщин, которых предпочитали за чистоту души и тела. А теперь в бытность Ивана и Ростислава в стране во дворах бегали огромные крысы, никто на них не реагировал. Они съедали все мелкое и живое, по слухам кое-где крысами были поедены дети. Грустно, что за столь короткий период из процветающей, Создателем данной земли, Грузия превратилась в настоящую помойку. Также и в политике, и в экономике. Разруха в умах привела к американизации и туркизации экономики, следом даже опережая спешили политики, и трудно было воздействовать каким-либо позитивом на этот свихнувшийся контингент. Иван жаловался: «Вчера на «Черепашке», так называется озеро в горах, я догнал бегущего М. Саакашвили, обогнав и оглянувшись поздоровался, затем у киоска с прохладительными напитками, где оба остановились, спросил: «Михаил Николозович! Давно хотел с Вами встретиться (тот был в то время министром юстиции). Может быть примите меня. Есть важные вопросы для обсуждения». Министр реально испугался. Было впечатление, что он задрожал от страха, ответив, что он очень занят и не может принять российского дипломата. Ростислав вздохнул и сказал: «Да и хрен с ним. Перебьешься без этого контакта. Тем более, что на тебя «зуб» точит МГБ». «Значит не судьба», – сказал Иван». Но высказал мнение, что М. Саакашвили натворит бед не только для Грузии, но и во всемирном масштабе. «Ишь ты, какой пророк!» – сказал Ростик и весело рассмеялся».

В работе с контактами Иван использовал при создании психологического портрета собеседника астрологические гороскопы Л. Гудман «Love signs», где четко указывалось, как, по ее мнению, могут строиться отношения мужчин и женщин при сближении. Он расширил матричную систему Светы, начав не с идеологии, а с теологии. Затем продолжил экономикой, политикой, культурой. Обе системы явились для Ивана как-бы синергией, взаимно усиливая друг друга и создавая не только общую картину о человеке, он пытался детально изучить все, включая интимные стороны. Было понятно почему. Он не считал это подлостью или предательством в отношении изучаемого лица, а просто рутинной дипломатической работой. И тогда ошарашенные контакты говорили Ванечке: «Откуда ты обо мне все знаешь? Даже больше, чем я о себе». Иван отбрехивался тем, что есть такие методики Линды и Светы. «Не изучив собеседника, включая женщин, нечего с ним (с ней) затевать разговор, иначе схлопочешь харассмент».

Так им изучались в Грузии Президенты Э. Шеварднадзе, М. Саакашвили, некоторые министры, включая министров экономики и культуры, депутаты парламента, занимавшиеся Россией, дипломаты различных рангов, чеченские руководители баз в Панкийском ущелье. Институциональные матрицы настолько полезные штуки для любого дипломата, что Иван старался выучить их наизусть и тщательно проецировал каждую матрицу на современные события, в данном случае в Грузии. Пожалуй, следует разъяснить, что это такое. «Институциональная матрица – это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер». Таким образом, к примеру, Иван установил теплые дружеские отношения с Каталикосом всея Грузии Илией, используя собственно придуманную теологическую матрицу, хотя ее и придумывать то не надо было. Она в душе всегда была у Ивана. С другими матрицами было проще и связи зачастую недоумевали, почему этот русский знает больше, чем они сами, занимаясь какой-то политической, экономической, культурной или иными проблемами. Иван нескромно подчеркивал, что «Есть обычай на Руси – ночью слушать Би-би-си, что он делает, читает все доступные газеты и смотрит новостной канал в «ящике для идиота». Освещаемые для Москвы приоритетные и иные проблемы Ванечка часто показывал в письменном виде Ростиславу, неизменно получая одобрение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.